

АДЕПТКА ВНЕ ЗАКОНА, или ректор, берегите нервы!

Смирнова Анастасия

18+

Адептка вне закона

Анастасия Смирнова

**Адептка вне закона, или
Ректор, берегите нервы!**

«Автор»

2026

Смирнова А. А.

Адептка вне закона, или Ректор, берегите нервы! /

А. А. Смирнова — «Автор», 2026 — (Адептка вне закона)

Что делать, если ты перевертыш, выросший в семье обычных людей, а магия внутри требует выхода? Конечно же, рискнуть всем и по поддельным документам поступить в элитную Академию Огня! Мой план был безупречен: учиться, держаться в тени, изредка веселиться с лучшей подругой и тщательно прятать свою звериную сущность. Но я не учла один огромный, мускулистый и невыносимо властный фактор. Ректор академии. Мужчина с глазами цвета жидкого азота, серебряными волосами и дурной привычкой появляться именно там, где я нарушаю правила. Он привык подчинять, контролировать и выводить на чистую воду. Он уверен, что я что-то скрываю, и открыл на меня настоящую охоту. Но я слишком упертая, чтобы сдаться без боя. Ставки сделаны, господин ректор! Посмотрим, кто кого сведет с ума первым, и кто окажется в ловушке, когда все маски будут сброшены.

© Смирнова А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава.	5
Глава 1. О пользе хорошего блефа и вреде серебряных ректоров .	7
Глава 2. Ночные кошки и ледяные сквозняки .	12
Глава 3. Полигон, искры и другие способы самосожжения.	17
Глава 4. Аудиенция у дьявола, или Дресс-код для допроса.	22
Глава 5. Особенности индивидуального укрощения.	26
Глава 6. Опасные игры в партере и предательские инстинкты.	31
Глава 7. Тайны, поджоги и эльфийские интриги.	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Адептка вне закона, или Ректор, берегите нервы!

Глава.

Пролог

Я всегда любила играть по-крупному. Риск, обжигающий азарт, сладкая горечь адреналина на корне языка — всё это заставляло кровь вскипать, а моего внутреннего зверя восторженно бить хвостом, предвкушая охоту. Но сейчас ставки взлетели до немислимых высот. На кону стояла не просто моя свобода — моя жизнь. И, кажется, я только что с оглушительным треском проиграла эту партию.

Массивный стол из мореного дуба, заваленный стопками идеальных бумаг. Воздух в кабинете был тяжелым, пропитанным терпким запахом плотного дорогого пергамента, горьких кофейных зерен и чем-то еще неуловимо морозным, колючим, пахнущим озоном перед снежной бурей. От этого аромата по коже маршировали колючие ледяные мурашки.

Моя спина вжалась в резные панели тяжелой двустворчатой двери. Медная ручка больно впивалась в поясницу, но это лишь отрезвляло. Пути к отступлению не было. Замок щелкнул еще пять минут назад.

— Вы понимаете, адептка, что ходите по очень тонкому льду? — голос ректора прозвучал обманчиво тихо, бархатистым баритоном скользя по стенам. Но в этой обволакивающей тишине таилась концентрированная угроза, способная снести выверенный картонный домик моей лжи за долю секунды.

Он сделал шаг ко мне. Бесшумно, как истинный хищник. Высокий. Пугающе широкоплечий, подавляющий своими габаритами. Длинные серебряные пряди волос холодно блеснули в пульсирующем свете магических настенных сфер, а пронизывающий взгляд серебристо-серых, цвета наточенной стали глаз, казалось, без наркоза препарировал мою душу, слой за слоем снимая фальшь.

Я нервно сглотнула пересохшим горлом, но упрямо вздернула подбородок, отказываясь отводить взгляд.

— Тонкий лед в Академии Огня, господин ректор? — я заставила губы растянуться в самую очаровательную, дерзкую и наглую улыбку, на которую только была способна в состоянии паники. — Мне казалось, на нашем факультете проблемы могут возникнуть исключительно с пожарной безопасностью.

На его острых скулах дрогнули желваки. Литые мускулы под идеально скроенным черным камзолом, расшитым серебряными нитями, напряглись, на мгновение выдавая едва сдерживаемую ярость. Еще один скользкий шаг — и он оказался непозволительно, катастрофически близко. Жар, исходящий от его крупного мужского тела, парадоксальным образом контрастировал с его ледяной, подавляющей аурой, от которой стыла кровь.

Мой внутренний зверь тревожно заворочался, выпустив фантомные когти. А затем, предатель пушистый, вдруг низко и довольно замурчал, поддаваясь этой первобытной, доминирующей мужской энергетике. Только не сейчас! Сидеть, я кому сказала! — мысленно рявкнула я своей второй сущности, загоняя ее в самые дальние уголки сознания. Если он хоть на секунду почует во мне незаконнорожденного перевертыша — я труп. Или, что в разы хуже, ценный подопытный кролик в сырых подвалах инквизиции.

— Ваше сомнительное чувство юмора, адептка, когда-нибудь доведет вас не до отчисления, а до плахи, — его рука, затянутая в матовую черную кожу перчатки, с глухим стуком оперлась о дерево прямо возле моего левого уха, окончательно отрезая пути к побегу. Он склонился

так низко, что я могла пересчитать его темные ресницы. Горячее дыхание с ароматом горького кофе обожгло мою щеку. — В ваших документах зияют дыры и несостыковки. Ваш магический резерв ведет себя крайне аномально. А ваш пульс — он чуть склонил голову, прислушиваясь, — сейчас колотится о ребра так, словно вы скрываете как минимум государственную измену.

— Я просто трепещу перед вашим гневом, магистр, — глазом не моргнув, солгала я, упрямо глядя в эти бездонные, безжалостные льдинки глаз.

— Лжете. — Одно короткое, резкое слово хлестнуло по натянутым нервам, как удар инквизиторского кнута. — Вы меня не боитесь ни капли. Вы бросаете мне вызов каждым своим дерзким взглядом, каждым словом. И я выверну вас наизнанку, но выясню, кто вы такая на самом деле. Это лишь вопрос времени, маленькая лгунья.

Его потемневший взгляд медленно скользнул от моих глаз к губам — тяжело, тягуче, словно против его собственной стальной воли. Зрачки ректора едва заметно расширились. В воздухе между нами повисло густое, почти осязаемое напряжение, от которого, казалось, потрескивали искры. Дышать стало катастрофически трудно, словно кто-то выкачал из кабинета весь кислород.

— Ищите, господин ректор, — прошептала я, чувствуя, как от пьянящего коктейля страха и азарта сладко кружится голова. — Главное, в процессе этих увлекательных поисков не потеряйте голову сами.

Уголок его губ дрогнул, складываясь в холодную, по-настоящему хищную усмешку, не предвещающую ничего хорошего.

Шах и мат отменяется. Игра только началась. И я не собиралась сдаваться без боя.

Глава 1. О пользе хорошего блефа и вреде серебряных ректоров .

Выйти из кабинета ректора с гордо поднятой головой, не выдав паники ни единым вздохом — выполнено.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за моей спиной с глухим, роковым стуком, отсекая меня от ледяного присутствия магистра. Едва сделав семь размеренных, подчеркнуто спокойных шагов по коридору, я завернула за ближайший угол, скрываясь из зоны видимости. Силы мгновенно покинули тело. Я практически рухнула спиной на прохладную, шершавую каменную стену и судорожно, со свистом выдохнула, пытаясь унять крупную дрожь в коленях. План-максимум по спасению собственной шкуры был перевыполнен с занесением в личное дело.

— Твою же мышь через колено — беззвучно прошептала я, накрывая ладонью грудную клетку.

Сердце колотилось где-то в районе горла, словно пойманная птица, ломающая крылья о ребра.

— Рокси, девочка моя, ты только что станцевала танго на минном поле. И, кажется, пара снарядов уже взведена.

Магистр Элиас Вернер. Главный ночной кошмар всей Академии Огня, самый молодой ректор в истории королевства и мужчина, чьи широкие, обтянутые дорогим сукном плечи могли, кажется, выдержать падение небосвода. Ну или, как минимум, весь колоссальный вес моего криминального таланта. Вблизи, на расстоянии вытянутой руки, он выглядел в сотни раз опаснее, чем на общих потоковых лекциях. Его серебряные волосы пахли настоящим ледяным ветром, горной хвоей и резким, колючим озоном. А этот взгляд Знаете, бывают люди, которые смотрят на тебя и оценивают фасон платья. Этот гад смотрел и видел плотность моей костной ткани, микроскопические дефекты на фальшивой печати моих документов и, кажется, то самое черничное пирожное, которое я нагло стащила из столовой три часа назад.

Внутренний зверь внутри меня — пушистая, упрямая и крайне азартная рысь — сыто потянулся в глубинах подсознания и выпустил полупрозрачные фантомные когти.

«А ректор-то хорош, — отозвалось в голове ленивое, вибрирующее мурчание. — Какой альфа Мускулы — литой камень! Сила — чистая магия! Давай его укусим? Чисто из спортивного интереса».

«Замолчи, блохастая катастрофа! — мысленно рявкнула я на свою вторую сущность, загоняя ее в ментальную клетку. — Он нас не укусит, он нас на воротник пустит! И на коврики перед камином в своем охотничьем домике».

С трудом заставив ватные ноги двигаться, я быстрым, почти шпионским шагом направилась в сторону жилого крыла. Нужно было срочно смыть с кожи этот липкий, пахнущий чужой силой страх и, что еще важнее, посоветоваться со своим единственным и неповторимым сообщником.

Дверь в нашу комнату в общежитии я не просто открыла, а практически выбила плечом, вваливаясь внутрь.

— Твоя подруга официально труп, объявляй минуту молчания и доставай траурные ленты! — с порога заявила я и плашмя рухнула на свою кровать, зарываясь лицом в прохладную подушку.

С противоположного конца комнаты донеслось испуганное шипение, а затем пространство мгновенно наполнил отчетливый, едкий запах паленых перьев.

— Рокси, мантикора тебя раздери! — Марго, моя лучшая и единственная подруга, подпрыгнула на стуле, судорожно туша подушечками пальцев загоревшийся угол лекционного

блокнота. — Я из-за твоих эффектов чуть комнату не спалила! Что случилось? Тебя вышвыривают? Приказ об отчислении уже на столе?

Марго была настоящим огненным магом — потомственным, абсолютно легальным и чрезвычайно взрывоопасным. Копна безумных рыжих кудряшек, россыпь ярких веснушек на переносице и характер, полностью соответствующий ее яростной стихии. Мы дружили с самого детства, еще с тех пор, как меня, подкинутого младенца, усыновила семья обычных, обделенных магией людей. Мои человеческие родители до сих пор не подозревали, что их милая блондинка-дочь по ночам превращается в дикую лесную кошку, а в девятнадцать лет решится на безумие — подделает документы погибшей дальней родственницы-мага, чтобы поступить в элитную Академию Огня.

Только Марго знала всю правду. И только Марго согласилась прикрывать мою пушистую задницу в этом оплоте боевой магии и жестких законов.

— Хуже, Марго. Намного хуже, — я тяжело перевернулась на спину и уставилась в потрескавшийся белый потолок. — Вернер меня расколол. Ну, точнее, почти расколол. Прямо в лицо сказал, что в моих бумагах зияют несостыковки, резерв скачет, и что он обязательно выяснит, кто я такая.

Марго побледнела так стремительно, что ее веснушки стали похожи на брызги золотой краски на блеклой стене.

— Сам Ректор Серебряный Волк? — прошептала она (в академии Вернера за глаза называли волком за его повадки идеального хищника и редкий цвет волос). — О великое пламя Рокси, если он узнает, что ты перевертыш без государственной лицензии, тебя закроют в казематах инквизиции до конца дней! Перевертыши обязаны регистрироваться и носить сдерживающие браслеты, а незаконное обучение боевой магии — это пожизненная каторга на рудниках!

— Знаю, — я резко села, и в моих глазах, вопреки ледяющему страху, загорелся привычный, шальной азарт. Тот самый, из-за которого я с самого детства ввязывалась во все сомнительные авантюры. — Но знаешь что? Он ведь еще ничего не знает наверняка. Он только подозревает. Он блефует, Марго! Пытается взять меня на слабо, заставить дергаться, паниковать и совершить глупую ошибку.

— И что ты собираешься делать? — Марго с явной опаской посмотрела на мою ухмылку. Подруга прекрасно знала: когда на моем лице появляется это выражение, где-то в мире начинает тихо плакать один министр магии.

— Повышать ставки, — я поднялась с кровати, подошла к треснувшему зеркалу и легким движением поправила растрепавшиеся светлые волосы. — Он думает, что я испугаюсь, сломаюсь и сама прибегу к нему с повинной? Плохо он знает блондинок. Я заставлю его сомневаться в собственной правоте.

Я отчетливо вспомнила, как близко он стоял. Вспомнила тяжелый, гипнотизирующий взгляд его стальных глаз и то, как его горячее дыхание обожгло мою кожу. Психология мужчин — штука предсказуемая, даже если этот мужчина — сильнейший боевой маг королевства. Если я не могу победить его грубой силой, я побегу его интригой. И легким, чисто женским хаосом.

— Рокси, у тебя сейчас лицо маньяка, — заметила Марго, нервно натягивая рукава шерстяного свитера на пальцы. — Пожалуйста, скажи мне, что твой гениальный план не включает в себя соблазнение ректора.

— Что ты! — я невинно округлила глаза, прижимая руку к сердцу. — Соблазнять эту ледяную глыбу? Ей-богу, проще растопить ледник карманным фонариком. Я просто сделаю так, чтобы господину Вернеру было очень нескучно за мной наблюдать. Завтра у нас его лекция по теории магических потоков, верно?

Марго медленно, обреченно кивнула, уже предчувствуя скорую катастрофу глобального масштаба.

— Отлично, — я заговорщически потерла ладони. — Пойду приготовлю иглоку и нитки. Мой форменный жилет нуждается в срочной модернизации. Если ректор хочет смотреть на меня пристально — пусть смотрит. Главное, чтобы его внимание отвлекалось от моих документов.

Утро выдалось до тошноты солнечным, а Марго — до зубовного скрежета нервной.

— Ты выглядишь как чистая провокация! — прошипела подруга, с силой запихивая тяжелые учебники в кожаную сумку. — Если он тебя не отчислит, то точно отправит на исправительные работы в подземные котельные!

Я критично осмотрела свое отражение в высоком зеркале платяного шкафа. Стандартная форма Академии Огня — темно-бордовая шерстяная юбка, строгая белая блузка и плотный черный жилет — обычно висела на студентках мешком. Но ради сегодняшнего дня мне пришлось полночи орудовать иглой, ушивая жилет по спине так, чтобы он до миллиметра подчеркивал тонкую талию и высокую грудь. А юбку я просто дерзко подвернула в поясе на пару сантиметров. Вроде бы ничего криминального, правила не нарушены, но в сочетании с распушенными, струящимися по плечам светлыми волосами и легким румянцем от недосыпа образ получился роковым.

— Пусть отправляет. Я кошка, я люблю тепло, — хмыкнула я, хотя внутри все сжималось в тугую, болезненный узел.

Внутренняя рысь нервно хлестала себя виртуальным хвостом по бокам, за версту чуя скорую встречу с опасным «альфой».

Аудитория для лекций по Теории магических потоков напоминала огромный каменный амфитеатр с круто уходящими вверх рядами кресел. Мы с Марго заняли места строго в среднем ряду — не на самой галерке, чтобы не казаться трусливыми крысами, но и не на первых партах, куда обычно садились зубрилы и потенциальные самоубийцы.

Ровно со звоном тяжелые дубовые двери распахнулись. Гул десятков голосов оборвался так резко, словно из комнаты по мановению руки выкачали весь воздух.

Он вошел стремительно. Магистр Элиас Вернер не просто передвигался в пространстве — он его мгновенно подчинял своей воле. Черный камзол с безупречной серебряной вышивкой, идеальная осанка, абсолютное ледяное спокойствие на породистом лице. Он бросил тяжелый кожаный журнал на кафедру, и этот негромкий, хлесткий хлопок заставил половину адептов вжать головы в плечи. А вторую половину — мечтательно и синхронно вздохнуть.

— Доброе утро, — его голос, низкий, бархатистый и глубокий, легко достиг самых дальних рядов амфитеатра. — Сегодня мы переходим к практической теории подавления. Как заставить чужой огонь погаснуть, не прибегая к банальной грубой силе.

Вернер начал медленно спускаться по каменным ступеням, расхаживая между рядами. Его серебряные глаза сканировали студентов, словно поисковое заклинание, и я физически, всей кожей чувствовала, как этот взгляд приближается ко мне.

— Большинство из вас ошибочно считает, что магия — это лишь размер вашего резерва, — он остановился ровно на ступеньку ниже моего ряда. Запах озона и морозной хвои снова мягко ударил по моим рецепторам, заставляя волоски на руках встать дыбом. — Но истинная власть кроется в психологии контроля. Тот, кто теряет самообладание, теряет магию.

Он медленно повернул голову. Наши взгляды скрестились в немом поединке. Его глаза чуть сузились, скользнув по моему лицу, а затем опустились ниже — к демонстративно расстегнутой верхней пуговице блузки и ушитому жилету. Ни один мускул не дрогнул на его лице, но температура в радиусе метра вокруг нас, казалось, мгновенно упала на десяток градусов.

— Адептка Рокс, — произнес он с обманчивой, пугающей мягкостью. — Раз уж вы сегодня решили поразить нас не только своими выдающимися академическими успехами, но и крайне нестандартным подходом к униформе. Быть может, вы продемонстрируете нам свои глубокие знания?

В аудитории повисла гробовая, звенящая тишина. Марго рядом со мной практически перестала дышать, превратившись в восковую фигуру.

Я медленно поднялась со своего места. Ноги казались абсолютно ватными, но я заставила себя опереться кончиками пальцев о деревянную парту и чуть податься вперед, сокращая расстояние.

— С огромным удовольствием, господин ректор. Что именно вас интересует?

— Предположим, противник превосходит вас по объему активного огня ровно втрое, — Вернер сделал шаг ко мне, опираясь обтянутой в черную кожу рукой о край моей парты. Мы оказались опасно близко, лицом к лицу. — Ваши действия, если бежать физически некуда, а ваши щиты уже пробиты? Стандартный учебник министерства гласит, что вы обязаны попытаться рассеять его поток. А вы как поступите?

Вопрос с двойным дном. Я не читала стандартный учебник. Точнее, честно пыталась, но уснула на третьей странице от скуки. Но я знала другое. Я отлично знала законы, по которым выживают дикие хищники.

— Я не стану его рассеивать, — мой голос прозвучал тише, чем хотелось бы, но в абсолютном вакууме аудитории его отчетливо услышали все.

— Вот как? — он картинно изогнул идеальную темную бровь. — Решили сдаться и эффектно сгореть на потеху публике?

— Нет, магистр. Я впускаю его агрессию в свое собственное поле, — я смотрела прямо в его ледяные, безжалостные глаза, чувствуя, как внутри просыпается чистый, первобытный звериный азарт. — Сильный противник всегда излишне самоуверен. Он давит. Если поддаться ему на миллиметр, создать идеальную, сладкую иллюзию покорности, он потеряет бдительность и вложит в свой финальный удар слишком много сил. А когда он потеряет равновесие я резко ударю в его незащищенный, открытый центр. Огонь нельзя перебороть силой, если ты заведомо слабее. Но его всегда можно обмануть.

Моя внутренняя рысь довольно, победно заурчала. Вернер замер. Его серые глаза потемнели, мгновенно превратившись в грозовые тучи. Он просчитывал мой ответ, препарировал его, искал в нем скрытые смыслы — и, несомненно, находил их.

Между нами повисло напряжение такой плотности, что воздух, казалось, можно было резать ножом. Было очевидно: мы говорим сейчас совсем не о магии.

— Иллюзия покорности — медленно, словно пробуя незнакомое дорогое вино на вкус, повторил ректор. Он склонился еще чуть ближе. Никто в аудитории не мог услышать то, что он тихо произнес в следующее мгновение, почти касаясь губами шелка моих волос у самого уха: — Очень смелая тактика для той, кто играет краплеными картами, адептка. Смотрите, чтобы ваш хищный оскал случайно не заметили бдительные инквизиторы.

У меня по спине пробежал ледяной пот, но я даже не моргнула, удерживая маску абсолютной уверенности.

— О моем оскале пока знаете только вы, господин ректор, — так же тихо, едва уловимо выдохнула я. — Надеюсь, это останется нашей маленькой, приватной тайной?

Вернер резко выпрямился, разрывая дистанцию. На долю секунды в его жестком взгляде мелькнуло что-то первобытное, горячее, совершенно не вязавшееся с его репутацией бесчувственного тирана. Но уже в следующий миг он снова надел привычную маску равнодушного диктатора.

— Садитесь, Рокс. Десять баллов вашему факультету за нестандартное тактическое мышление, — громко, на всю аудиторию отчеканил он и резко отвернулся. — И минус пятнадцать баллов лично вам за злостное нарушение формы одежды. После занятий зайдите к завхозу, получите жилет своего размера. Этот явно скоро треснет по швам от катастрофического переизбытка вашей уверенности.

По рядам амфитеатра прокатился приглушенный, ехидный смешок студентов. Я обессиленно рухнула на стул, чувствуя, как пылают щеки.

«Счет 1:1, господин ректор», — подумала я, буравя взглядом его широкую, идеально прямую спину. Он думал, что публично поставил меня на место. Но я отчетливо видела, как напряглись мышцы под его камзолом, когда я прошептала ему об иллюзии покорности.

Ледяной король дал первую трещину. И теперь я точно знала, куда именно буду бить дальше.

Глава 2. Ночные кошки и ледяные сквозняки .

Остаток лекции пролетел для меня как в густом, вязком тумане. Больше Вернер в мою сторону не смотрел, полностью сосредоточившись на лекционном материале, но его низкий, вибрирующий голос, отражающийся от каменных сводов аудитории, то и дело заставлял мою внутреннюю кошку довольно жмуриться. Предательница меховая.

Как только под потолком гулко ударил бронзовый колокол, знаменующий окончание занятий, Марго мертвой хваткой вцепилась в мой локоть. Ее пальцы едва не оставили синяки, когда она буквально вытащила меня из амфитеатра в бурлящий студентами коридор.

— Ты сумасшедшая, Рокси! Абсолютно, клинически, бесповоротно сумасшедшая! — запричитала подруга, увлекая меня в самый глухой тупик за мраморной статуей основателя академии. — «Впущу его агрессию в свое поле»? «Иллюзия покорности»? Ты хоть понимаешь, как двусмысленно и интимно это звучало со стороны?! У половины парней на курсе челюсти со звоном на пол упали, а девчонки тебя взглядами уже на ритуальном костре сожгли!

— Зато ректор оценил, — я хмыкнула, нервно поправляя злосчастный ушитый жилет. — Видела бы ты его пальцы. Он так сильно вцепился в край моей парты, что на мореном дубе, держу пари, остались вмятины. Он злится, Марго. А когда мужчина злится, он теряет хладнокровие. Это мне и нужно.

— Он не просто мужчина, он сильнейший боевой маг королевства и менталист! — мрачно, с ноткой паники напомнила подруга. — Ладно, пошли к завхозу за твоим новым чехлом для танка. Пока Вернер лично не проверил исполнение своего приказа.

Конечно, ни к какому завхозу мы не пошли. Вместо этого я просто дернула юбку вниз, возвращая ей уставную длину, а жилет решила больше не застегивать на верхние пуговицы — мол, слишком уж жарко у нас в Академии Огня, господин ректор, исключительно из-за специфики стихии.

Но настоящий вызов ждал меня впереди. Если день кое-как пережить удалось на чистом адреналине, то с наступлением ночи у меня начались истинные проблемы.

Быть перевертышем, скрывающимся среди боевых магов — это не просто ежедневно нарушать закон. Это ежеминутная физическая пытка для организма. Мой внутренний зверь, привыкший к безусловной свободе, запаху хвои и ночной охоте, вторые сутки сидел взаперти в тесной клетке человеческого тела. К полуночи под кожей начался невыносимый зуд, кости ломило, клыки фантомно заныли, а хвост, которого в этой ипостаси у меня не было, казалось, так и норовил пробиться сквозь фланелевую ткань форменных пижамных штанов.

— Рокси, ты задолбала мельтешить туда-сюда, у меня от тебя морская болезнь, — донеслось сонное, недовольное бурчание из-под одеяла Марго. — Спи давай. Или поймай мышь под плинтусом и успокойся.

— Не могу, — честно, со сбившимся дыханием призналась я, прижимаясь горячим лбом к прохладному оконному стеклу. За ним раскинулся огромный, залитый серебристым лунным светом парк академии. — Меня изнутри распирает. Кости чешутся. Если я сейчас не побегаю, то завтра на лекции облысею от стресса или, чего доброго, замурчу на Вернера прямо вслух.

Марго резко села в постели, растрепанная, сонная, но мгновенно встревоженная.

— Ты с ума сошла? Ночной патруль! Магические ловушки инквизиции на территории! Если тебя поймут в облике рыси

— Не поймут, — шальная, азартная улыбка сама растянула мои губы. — Ловушки настроены на колебания человеческой магии. А зверь во мне — это чистая, первозданная природа. Они меня просто не «видят». К тому же, я знаю слепую зону за старыми теплицами. Я быстро, Марго. Туда и обратно. Один полный круг по парку — и я шелковая.

Не слушая дальнейших причитаний и стонов подруги, я накинула плотный темный плащ прямо поверх пижамы и тенью выскользнула за дверь.

Коридоры общежития встретили меня спасительной тишиной и прохладой сквозняков. Огибая посты спящих дежурных (маги Огня вообще были ребятами патологически ленивыми, если дело не касалось драк, девушек или выпивки), я успешно добралась до черного выхода. Тихий щелчок замка — и густой ночной воздух коснулся моего лица.

Парк академии ночью выглядел зловеще и гипнотически прекрасно. Вековые дубы бросали на газоны длинные кривые тени, а в воздухе густо пахло сырой землей, ночной фиалкой и прелой листвой.

Убедившись, что поблизости никого нет, я нырнула в густые заросли сирени, сбросила плащ на сухую землю и закрыла глаза, отпуская контроль.

О, этот божественный, ни с чем не сравнимый момент трансформации! Кости сладко, с тихим треском перестроились, меняя центр тяжести. Тело обдало волной тягучего внутреннего жара, зрение мгновенно переключилось в ночной режим, а слух обострился в сотни раз, улавливая шуршание жуков в коре деревьев. Доля секунды — и на влажную траву мягко опустились четыре мощные лапы. Я тряхнула головой, чувствуя, как ветер играет пушистыми кисточками на ушах, и глухо, довольно рыкнула, разминая широкие плечи.

Свобода.

Я неслась по теням, практически не касаясь земли, превратившись в смазанный силуэт. Моя густая серебристо-рыжая шерсть идеально маскировала меня в пятнах лунного света. Я бесшумно перепрыгивала через поваленные ветки, жадно впитывала тысячи запахов и чувствовала себя абсолютной, безраздельной хозяйкой этой ночи. Весь человеческий страх перед всемогущим ректором, перед инквизицией и поддельными документами испарился. Остался только чистый, первобытный, пульсирующий в венах восторг.

Сделав приличный крюк вокруг главного учебного корпуса, я решила подняться на небольшую скалистую гряду на самом краю парка, чтобы напоследок взглянуть на спящий замок сверху.

Мягкий прыжок, второй, идеальный зацеп изогнутыми когтями за каменный выступ — и я на вершине. Ветви старых сосен здесь расступались, открывая потрясающий вид на залитую луной и магическими огнями академию.

Я уселась на самый край прогретого за день камня, изящно обвив передние лапы пушистым хвостом, и подставила усатую морду свежему ветру. Жизнь определенно налаживалась.

И тут ветер резко переменялся.

В мои сверхчувствительные ноздри ударил резкий, до боли знакомый, концентрированный аромат.

Озон. Ледяная горная хвоя. Мороз, от которого немеет язык.

Мои уши мгновенно прижались к голове, а шерсть на загривке встала жестким дыбом. Я медленно, микроскопическими движениями, стараясь не издать ни единого шороха, повернула голову в сторону глубокой тени под раскидистым дубом. Всего в пяти метрах от меня.

Из чернильной темноты медленно вышла высокая, широкоплечая фигура. Серебряные волосы мага ярко, почти мистически вспыхнули под лунным светом. На ректоре не было привычного, застегнутого на все пуговицы строгого камзола — лишь тонкая черная шелковая рубашка с расстегнутым воротом, подчеркивающая литые мышцы груди и шеи, и свободные темные брюки. В длинных пальцах левой руки он расслабленно держал пузатый хрустальный бокал с каким-то темным напитком.

Элиас Вернер смотрел прямо на меня. В его светлых глазах не было ни капли удивления. Только холодное, пронзительное, хищное любопытство.

«Попалась», — испуганно, почти по-мышьиному пискнул мой внутренний зверь, напрочь растеряв весь свой недавний пафос и дикую грацию.

Замереть. Главное — замереть.

Моя внутренняя рысь отчаянно боролась с двумя противоречивыми желаниями: сигануть со скалы в спасительные колючие кусты или припасть на пузо и притвориться очень большим, очень глупым и совершенно безопасным лесным котиком. Я выбрала нечто среднее — осталась сидеть статуей, напряженно замерев, но инстинктивно выпустила когти, с противным скрипом скрежетнувшие по камню.

Элиас Вернер сделал неспешный, плавный шаг вперед. Хруст мелкого гравия под подошвой его сапога в звенящей ночной тишине прозвучал как ружейный выстрел.

— Какая редкая, экзотическая гостья в моем парке, — его голос был тихим, ровным и вибрирующим. Он обволакивал, словно тяжелый дорогой бархат, скрывающий под собой острие стального клинка. — Дикая рысь на территории академии, до отказа напичканной охранными контурами от любых магических тварей. Как познавательно.

Я не выдержала и издала низкое, вибрирующее в груди предупреждающее рычание. Чистый животный инстинкт выживания: не подходи, я опасна, я буду защищаться.

Ректор остановился в паре шагов от края скалы. Лунный свет падал на его точеный профиль, и я могла поклясться, что в уголках его губ пряталась легкая, циничная усмешка. Он невозмутимо сделал небольшой глоток из своего бокала. Судя по тяжелому пряному запаху, долетевшему до меня, это был терпкий эльфийский коньяк — крепкий и невероятно дорогой.

— Не рычи на меня, — мягко, но с такой абсолютной, подавляющей властью приказал он, что моя вздыбленная шерсть невольно начала приглаживаться. — Если бы я хотел сделать из тебя коврик для каминной залы, ты бы уже висела в воздухе, распятая заклинанием паралича.

Он сделал еще один скользящий шаг, и на меня обрушилась его невидимая аура. Это не была агрессия или явная попытка задавить меня магией. Это была просто демонстрация силы. Концентрированной, непререкаемой мужской силы. Воздух вокруг стал колючим от статического электричества, запахи ночного леса напрочь перекрыл густой аромат мороза. Моя пушистая задница инстинктивно прижалась к камню еще плотнее. Зверь внутри меня отчаянно заскулил, признавая в этом двуногом маге безоговорочного, опасного альфу.

«Держись, Рокси! Ты просто животное. Дикое, тупое животное, которое случайно забрело на огонек!» — мысленно скомандовала я себе, стараясь сделать взгляд желтых кошачьих глаз максимально бессмысленным.

— Красивая, — задумчиво произнес Вернер, откровенно и цепко рассматривая мою серебристо-рыжую шкуру. — Крупная. И на удивление чистая для обычной лесной обитательницы.

Он плавно поднял свободную правую руку, и на кончиках его длинных пальцев угрожающе заплескали искры холодного, режущего глаза синего пламени. Мои кисточки на ушах нервно дернулись.

— Но знаешь, что меня удивляет в тебе больше всего? — ректор склонил голову набок, и его серебристые глаза намертво впились в мои. — В твоем взгляде слишком много осмысленности. Звери так не смотрят. Так смотрят те, кто из всех сил пытается казаться глупее, чем есть на самом деле. Очень знакомая тактика, не находишь?

У меня внутри оборвался невидимый трос. Он знает?! Или просто проверяет свою ненормальную теорию?

Я не стала дожидаться, пока этот гений дедукции сложит два и два окончательно. Когда его рука с сияющими синими искрами медленно потянулась в мою сторону — видимо, чтобы погладить или, что куда вероятнее, накинуть магическое лассо, — я сработала на опережение.

Мощный, отчаянный толчок задними лапами. Я взвилась в воздух, перелетая прямо через голову ректора. Краем глаза я заметила, как он молниеносно, с нечеловеческой реакцией отшатнулся в сторону, роняя бокал на камни, чтобы избежать столкновения с пятьюдесятью

килограммами летящих мышц и острых когтей. Звон разбитого вдребезги хрусталя сладко смешался с моим триумфальным мысленным воплем.

Я приземлилась в густые, влажные заросли папоротника, чудом не переломав себе лапы, и рванула вперед с такой скоростью, на которую только была способна в панике. Ветви больно хлестали по морде, земля уходила из-под когтей, но я не останавливалась ни на долю секунды, пока не оказалась у знакомых кустов сирени возле черного входа.

Обратная трансформация всегда проходила болезненнее, если делать это на пике адреналина. Кости неприятно, со щелчками заныли, болезненно выкручиваясь и возвращаясь в человеческое состояние. Я рухнула на четвереньки во влажную траву, судорожно хватая ртом воздух, накинула брошенный плащ на дрожащее, покрытое мурашками голое тело и, спотыкаясь на негнущихся ногах, побежала в здание.

— Я труп. Я пушистый, стопроцентный, хладнокровный труп! — простонала я, вваливаясь в нашу комнату и бессильно сползая спиной по двери на пол.

Марго, которая, судя по всему, так и не сомкнула глаз, мгновенно подскочила с кровати, одним щелчком пальцев зажигая под потолком магический светильник.

— Рокси! Ты бледная как смерть, на тебе лица нет! Что стряслось? Тебя заметил патрульный отряд?

— Хуже, — я обхватила ледяные колени трясущимися руками, пытаюсь унять крупную дрожь, бившую все тело. — Меня заметил Вернер.

— Что ректор забыл в парке посреди ночи?!

— Гулял! С коньяком! — истерично, с надрывом хихикнула я. — Марго, он смотрел прямо на меня. Он сопоставил факты. Он сказал, что я слишком умная для обычной рыси, и что моя тактика «казаться тупее» ему очень знакома. Он говорил со мной в зверином облике ровно так же, как со мной на лекции!

Подруга схватила за рыжую голову и без сил упала обратно на смятые подушки.

— Собираем вещи. Прямо сейчас. Завтра же утром бежим в соседнее королевство. Я слышала, там магам Огня платят неплохие деньги в гномьих кузнях, а перевертышей не жгут на кострах

— Нет, — я резко замотала головой, заставляя себя опереться о стену и подняться на ноги. Страх, сковавший легкие, постепенно отступал, а на его место, как назло, возвращался мой упрямый, самоубийственный азарт. Тот самый, который сегодня утром заставил меня дерзить Вернеру при всей аудитории. — Я не сбегу. Если бы он был уверен на сто процентов, он бы скрутил меня прямо там. Но он дал мне уйти. Он играет со мной, Марго. Пытается загнать в угол, заставить запаниковать и совершить фатальную ошибку.

Я подошла к окну и прижалась пылающим лбом к прохладному стеклу. Перед глазами, будто выжженный на сетчатке, все еще стоял образ ректора: расстегнутый ворот черной рубашки, мощная линия шеи и гипнотический взгляд хищника, который наконец-то нашел достойную, интересную добычу.

Мой внутренний зверь, который еще пять минут назад жалобно дрожал от первобытного страха, вдруг слабо, но явственно замурчал в предвкушении.

— Рокси? — испуганный голос подруги вывел меня из задумчивости. — О чем ты думаешь? У тебя опять это ненормальное, маньячное выражение лица.

— Я думаю о том, — медленно, чеканя каждое слово, произнесла я, — что господин Серебряный Волк привык быть единственным охотником в этом лесу. Он контролирует все и вся. Но что будет, если добыча вдруг перестанет трусливо убегать и начнет огрызаться?

— Ты собралась укусить магистра Вернера? — в неподдельном ужасе выдохнула Марго.

— Я собралась свести его с ума. Завтра на полигоне по боевой подготовке мы с тобой будем сиять ярче всех. Если он ищет нестабильного, испуганного мага-перевертыша, я покажу

ему такую идеальную, филигранную работу с огнем, что он сам засомневается в собственной адекватности!

Я решительно сбросила плащ на стул и нырнула под теплое одеяло. План был отчаянным, абсолютно глупым и практически суицидальным. Но отступать было некуда. Позади — сырые подвалы инквизиции и рудники, а впереди

А впереди меня ждал серебряноволосый ректор, который пах морозом, озоном и моими самыми большими неприятностями в жизни. И, клянусь своими острыми когтями, я еще посмотрю, кто из нас первым попадет в ловушку.

Глава 3. Полигон, искры и другие способы самосожжения.

Утро наступило катастрофически быстро, словно кто-то невидимый безжалостно повернул стрелки башенных часов назло всем моим планам. Сон был рваным, лихорадочным. В нем то и дело вспыхивали холодные серебряные искры, звенел разбивающийся о камни хрусталь, а мои собственные, отяжелевшие от усталости лапы раз за разом отталкивались от влажной земли темного парка.

Когда над шпилями академии пронесся низкий, вибрирующий в самых зубах утренний гонг, я подскочила с кровати с пересохшим горлом и абсолютно ясным осознанием: сегодня решится все. Либо я окончательно закреплю за собой статус «подозрительной, но гениальной адептки», либо уже к вечеру отправлюсь мести плац в тяжелых антимагических кандалах инквизиции.

— Рокси, ты точно уверена, что не хочешь притвориться смертельно больной? — Марго жалобно посмотрела на меня, натягивая через голову форменную бордовую мантию. — У меня в арсенале есть великолепное заклинание ложной лихорадки. Будешь покрываться симпатичными фиолетовыми пятнами, достоверно бредить и пускать пену. Вернер к тебе даже на пушечный выстрел не подойдет.

— Никаких пятен, Марго, — я решительно откинула непослушные светлые волосы назад и принялась заплетать их в тугую, жесткую косу, чтобы ни одна прядь не мешала обзору в бою. — Сегодня мы идем ва-банк. Посмотрим, как наш ледяной ректор переварит мою «идеальную» огненную магию.

Боевой полигон Академии Огня представлял собой колоссальное поле, выжженное до состояния стеклянного антрацита сотнями поколений не в меру темпераментных студентов. Земля здесь была покрыта глубокими, рваными бороздами от боевых заклинаний и укреплена тускло мерцающими древними рунами, а сам воздух буквально дрожал и плавился от остаточного тепла. Пахло едкой гарью, серой и концентрированным коллективным страхом нашего курса.

Наш боевой наставник, магистр Торн — суровый мужчина с глубоким белесым шрамом на всю левую щеку и абсолютным отсутствием чувства юмора — уже расхаживал перед строем адептов, заложив руки за спину. Но не его тяжелый взгляд заставлял мое сердце совершать кульбиты.

У кромки полигона, прислонившись широкой спиной к каменной кладке трибуны и скрестив на груди мощные руки, стоял он.

Сегодня Элиас Вернер выглядел как ожившее воплощение смертного греха и ночного кошмара одновременно. Вместо строгого академического камзола на нем была матовая черная боевая форма из драконьей кожи, которая облегла его монументальную фигуру, словно вторая кожа. Она беззастенчиво подчеркивала рельефные, литые мускулы груди, разлет плеч и сильные бедра. Серебряные пряди волос были небрежно перехвачены темным кожаным шнурком на затылке, а холодный, пронизывающий взгляд льдисто-серых глаз сканировал строй студентов с методичностью скупающего палача.

Когда его взгляд, миновав десятки голов, остановился точно на мне, я не опустила глаз. Напротив — расправила плечи, вздернула подбородок и выдала самую невинную, ангельскую из своих улыбок. О да, господин ректор, мы оба прекрасно помним эту ночь. И вашу лунную прогулку. И разбитый вдребезги бокал коньяка.

На долю секунды на его острых скулах дрогнули желваки, а в глубине зрачков промелькнула опасная, обжигающая искра.

— Итак, бездельники! — громовой рык магистра Торна вырвал меня из этой немой психологической дуэли. — Сегодня проверяем вашу скорость реакции и абсолютный контроль потока. Задача: в движении вызвать огненный хлыст, поразить бегущую мишень и погасить пламя до того, как оно сожрет ваш собственный резерв и перекинется на соседей. Рокс! На полигон, живо!

Марго сжала мою ладонь так сильно, что у меня хрустнули костяшки пальцев.

— Не убей никого, — испуганно прошептала она мне в спину.

— Постараюсь. Но ничего не обещаю, — шально ухмыльнулась я и уверенно шагнула за защитный барьер.

Моя магия была странной, нестабильной штукой. У перевертышей в принципе редко бывает классическая стихийная сила, но во мне она жила — дикая, импульсивная, подпитанная первобытной хищной яростью моей внутренней рыси. До этого дня я тщательно дозировала ее, выдавливая по капле, чтобы казаться серой, ничем не примечательной посредственностью. Но сегодня правила игры кардинально изменились. Мне нужно было доказать, что я — чистокровный, мощный огненный маг, а не пушистый незаконный шпион.

Я вышла в самый центр черного круга. Земля вздрогнула. Со скрежетом крошащегося камня из-под плит поднялась мишень — массивный, уродливый голем, пахнущий вековой пылью, который тут же рванул в мою сторону со скоростью разъяренного секача.

«Ну что, пушистая, давай покажем ледяному королю, как горит настоящий, дикий огонь», — мысленно шепнула я своей второй сущности.

Вместо того чтобы плести стандартное, занудное заклинание по учебнику министерства, я закрыла глаза на долю секунды и доверилась животным инстинктам. Звериная реакция перевертыша позволила мне уйти от первого таранного удара голема легким, текучим, почти танцующим движением. Моя бордовая юбка взметнулась колоколом, на мгновение обнажая бедра, и я краем глаза заметила, как Вернер у кромки поля резко подался вперед, отрываясь от стены.

Я скинула правую руку, с наслаждением выпуская силу на волю.

Вместо аккуратного, академического огненного хлыста из моих тонких пальцев с гулом вырвалось яростное, ревущее бело-оранжевое пламя. Оно с оглушительным треском рассекло раскаленный воздух, принимая форму гибкой, живой лозы, осыпающей черный песок снопами искр.

Хлест!

Мой огненный хвост с влажным хрустом перерубил каменного голема ровно пополам, словно кусок сливочного масла. Тяжелые осколки брызнули в разные стороны, оставляя в воздухе запах жженого камня, но дикое пламя в моей руке не пожелало гаснуть. Оно взвилось вверх, жадно гудя и стремясь перекинуться на мерцающий защитный барьер, за которым жались студенты.

— Контроль, Рокс! Гаси его немедленно, спалишь полигон! — в панике рявкнул Торн, судорожно срывая с шеи спасательный амулет подавления.

Но я уже точно знала, что делать. В голове всплыли вчерашние слова Вернера на лекции: «Иллюзия покорности. Огонь нельзя перебороть силой, его можно обмануть».

Я не стала бороться со своей обезумевшей магией. Я не пыталась задавить ее волей или сковать ментальными щитами. Вместо этого я сделала медленный, глубокий вдох, расслабила напряженные плечи и мысленно позвала пламя назад. Мягко, словно огромную дикую кошку, возвращающуюся к хозяйке после удачной, кровавой охоты. Я укротила его не жестким приказом, а лаской.

Ревущий столп огня послушно, почти нежно, витками втянулся обратно в мои открытые ладони, впитавшись под кожу и оставив после себя лишь легкий шлейф белесого дыма да абсолютную, звенящую тишину на онемевшем полигоне.

Я медленно повернулась к трибунам. Мое дыхание было частым, грудь высоко вздымалась под тонкой тканью блузки, щеки горели от жара, а несколько светлых прядей выбились из косы, прилипнув к влажной шее и придавая мне совершенно дикий, нездешний вид. Но губы сами растянулись в торжествующей улыбке.

Магистр Торн удивленно моргал, переводя ошарашенный взгляд с дымящихся обломков голема на меня. А вот ректор

Элиас Вернер медленно, хищным, стелющимся шагом отделился от трибун. Он шел ко мне по выжженной земле полигона, и каждый звук его тяжелых сапог отзывался странной, волнующей дрожью где-то у меня в поджилках. Его взгляд больше не был холодным, сканирующим льдом. В темной глубине серых глаз разгоралось опасное, тяжелое и очень горячее пламя.

— Феноменальный контроль, адептка Рокс, — негромко произнес он, останавливаясь непозволительно близко. Так близко, что я физически почувствовала ментоловую, озоновую прохладу его дыхания, которая мгновенно смешалась с агрессивным жаром моей магии. — Вы идеально усвоили мой вчерашний материал. Эта покорность пламени в ваших руках это было почти интимно.

Он наклонился чуть вперед, нарушая все мыслимые границы личного пространства, так что длинная серебряная прядь его волос мазнула по моему обнаженному плечу, посылая вдоль позвоночника разряд чистого, колючего электричества. Его голос опустился до едва различимого, хрипловатого шепота, предназначенного исключительно для моих ушей:

— Но скажите мне, Рокс почему ваша идеальная, чистая огненная магия сейчас так отчетливо пахнет дикой, мокрой рысью? Той самой рысью, которая вчера ночью так невежливо разбила мой любимый коллекционный коньяк?

У меня внутри словно лопнул пересохший канат. Сердце сделало такое бешеное сальто о ребра, что я едва не закашлялась от нехватки кислорода.

Он знает. Точно знает.

Но сознаться сейчас, отвести взгляд — значит проиграть эту партию навсегда. А перевертыши из гордого рода серебристых рысей не сдаются, даже когда их припирают спиной к раскаленной кирпичной стене.

— Мокрая рысь, господин ректор? — я с придыханием выдохнула эти слова почти ему в губы, отчаянно балансируя над бездной между паникой и чистейшим, незамутненным блефом. Я не отстранилась. Наоборот, подалась на полсантиметра вперед, так что моя грудь едва не коснулась плотной кожи его камзола. — Даже не знала, что у нашего неприступного, ледяного магистра столь специфические, звериные фантазии. Может быть, вам просто стоит сменить сорт напитка? Тот, вчерашний, явно ударил вам в голову.

Серебряные глаза Вернера опасно, по-волчьи сузились. Его рука, затянута в матовую черную боевую перчатку, медленно, неотвратно поднялась. Я на секунду замерла, ожидая парализующего удара или заклинания инквизиторских кандалов, но его длинные, сильные пальцы лишь аккуратно, едва ощутимо касаясь горячей кожи, заправили мне за ухо выбившийся влажный локон волос.

Этот жест был настолько интимным, обжигающим и немыслимым здесь, посреди полигона, что мои колени мгновенно превратились в расплавленный воск.

— Хвалю за дерзость, Рокс, — его низкий баритон пробирался прямо мне в подкорку, минуя уши. — Но плохой из вас лжец. Знаете почему?

— Просветите же, — непокорно шепнула я, хотя сердце в груди уже отбивало паническую четкость.

— Ваш пульс, — Вернер скользнул пальцем в перчатке чуть ниже, к моей незащитной шее, и слегка прижал подушечку большого пальца к бешено бьющейся жилке. Его прикосновение обжигало холодом, несмотря на его ледяную ауру. Мускулы под кожей его предплечья напряглись, когда он неумовимым движением слегка потянул меня на себя, заставляя чуть при-

подняться на цыпочках. — Он сейчас выдает такую сумасшедшую скорость, словно вы стоите перед палачом на эшафоте. Или перед мужчиной, которого отчаянно хотите поцеловать.

Ох ты ж мантикора меня задержи

Психологическое давление? О да, он был абсолютным гением ментальных игр. Он не просто ловил меня на горячем, он играл со мной, как огромный, сытый кот с загнанной мышкой. Или, вернее, как матерый серебряный волк с заигравшейся рысью. От его близости, от густого запаха озона и этой двусмысленной, порочной угрозы внизу живота сладко и тяжело потянуло. Зверь внутри меня, кажется, окончательно сдал позиции и вывесил огромный белый флаг, требуя немедленно прижаться к этому хищнику всем телом и потереться щекой о его небритую челюсть.

«Предательница!» — мысленно рывкнула я на свою кошку, возвращая самообладание.

— А вы проверьте, господин ректор, — я азартно прищурила желтоватые глаза, резко перехватывая инициативу.

Мои ладони, все еще хранившие покалывающее тепло укрошенного пламени, легли прямо ему на грудь. На плотную, прохладную драконью кожу боевого камзола. Под моими пальцами перекатились стальные, жесткие мускулы.

— Что именно заставляет мой пульс биться так быстро? Мой животный страх перед инквизицией или все-таки вы?

На полигоне, кажется, окончательно испарились остатки кислорода. Вернер окаменел. Я отчетливо почувствовала, как под моими ладонями тяжело и мощно стукнуло его собственное сердце. Его холодный взгляд потемнел, став почти черным от расширившихся зрачков, а пальцы на моей шее сжались чуть крепче. Без боли, но это было властное, собственническое, абсолютно мужское движение. Он медленно склонил голову, его губы оказались в миллиметре от моих, и я уже готова была зажмуриться, ожидая чего-то совершенно, катастрофически непедagogичного.

— Хм! Кхм-кхм! М-магистр! — громоподобный, искусственный кашель магистра Торна разорвал звенящую тишину, заставив нас обоих синхронно вздрогнуть. — Магистр Вернер, я, конечно, всецело понимаю, индивидуальный, э-э, разбор ошибок адептов — это критически важно. Но у нас тут как бы учебный процесс стоит. И голем, простите, еще не до конца догорел.

Ректор закрыл глаза на долю секунды, затем медленно, словно преодолевая физическое сопротивление, разжал пальцы на моей шее и сделал плавный шаг назад. Безупречная маска ледяного, равнодушного диктатора вернулась на его аристократичное лицо за один удар сердца, хотя в темной глубине глаз все еще метались голодные искры.

— Да, магистр Торн. Вы правы. Слегка увлекся, — ровным, лишенным эмоций голосом произнес Вернер, педантично поправляя обшлаг черной перчатки. — У адептки Рокс крайне специфический, нестандартный источник магии. Мне потребовалось немного времени, чтобы проанализировать его амплитуду.

Он бросил на меня последний, долгий, обещающий взгляд, от которого по спине до самого копчика пробежала горячая волна.

— Вы свободны, адептка. Но наше с вами исследование еще не закончено. Жду вас сегодня ровно в девять вечера у себя в кабинете. Для более глубокого и детального изучения ваших скрытых потоков.

Повернувшись на каблуках, он стремительной, бесшумной походкой хищника покинул полигон, не оглядываясь. Я проводила взглядом его широкую спину, чувствуя, как колени все-таки предательски начинают подкашиваться.

— О великое пламя, — Марго подскочила ко мне, как только серебряная макушка ректора скрылась за трибунами, и мертвой хваткой подхватила меня под локоть, не давая осесть на песок. — Рокси, ты вообще дышишь? Что он тебе нашептал?! У тебя такой вид, будто тебя прямо здесь только что покусал очень голодный и очень горячий инкуб!

— Марго — я с трудом протолкнула слова сквозь пересохшее горло. — Он пригласил меня на свидание. Ну, или на допрос с пристрастием в застенках.

— И что ты, во имя всех богов, будешь делать?! — в зеленых глазах подруги плескался первобытный, искренний ужас.

Я медленно, чувственно улыбнулась, глядя на свои слегка дрожащие руки и чувствуя, как липкий страх окончательно сгорает в очищающем огне проснувшегося азарта.

— Оденусь понаряднее, конечно же. В конце концов, дикие кошки не боятся заходить в логово к волкам. Они просто заранее точат когти.

Глава 4. Аудиенция у дьявола, или Дресс-код для допроса.

Остаток дня прошел под знаком тотальной, лихорадочной паранойи Марго и моего собственного, пугающего предвкушения. Адреналин после полигона медленно перегорал в крови, оставляя после себя тягучую потребность действовать. Подруга честно пыталась забаррикадировать дверь нашей комнаты стулом, пугая меня живописными ужасами сырых подвалов инквизиции, где «незарегистрированных пушистиков кормят исключительно сухим пайком и принципиально не чешут за ушком». Но проснувшийся внутри меня азарт уже одержал безоговорочную победу над инстинктом самосохранения.

Когда тяжелые бронзовые часы на башне главного корпуса гулко пробили восемь вечера, я решительно подошла к распахнутому шкафу. Мои сборы напоминали подготовку к выходу на линию дипломатического фронта, где вместо щитов используются шелк и наглость.

— Рокси, во имя всего святого, умоляю, надень глухую шерстяную мантию профессора ботаники! — канючила Марго, с ужасом наблюдая, как я безжалостно отбрасываю в сторону скучную стандартную форму. — Застегнись до подбородка!

— Чтобы он подумал, будто я его боюсь и сдаюсь без боя? Ну уж нет, — я хитро, по-кошачьи прищурилась на свое отражение.

Выбор пал на блузку из тонкого, почти невесомого белого шелка, которая заманчиво, но не вульгарно обрисовывала изгибы тела, и облегающие темные брюки из тончайшей матовой кожи. Это было практично для экстренных прыжков из окон (на случай, если мой гениальный план с треском провалится) и чертовски эффектно для визуального удара. Волосы я расплела, позволив тяжелым светлым волнам свободно рассыпаться по плечам и спине.

Финальный штрих — пара капель густых масляных духов с ароматом растертой дикой земляники и терпкого можжевельника. Чисто для того, чтобы перебить этот пресловутый «запах мокрой рыси» и добавить в атмосферу каплю провокации.

Без пяти минут девять я уже стояла в оглушительно безлюдном коридоре административного крыла перед массивной дубовой дверью с поблескивающей золоченой табличкой: «Ректор. Магистр Э. Вернер».

Моя внутренняя кошка напряженно замерла, наострив виртуальные уши с кисточками. Сердце сделало тяжелый, предупредительный удар о ребра. Я глубоко, до самого дна легких вздохнула, призывая на помощь всю свою ослиную упертость, и уверенно, трижды постучала костяшками пальцев.

— Войдите, — донесся из-за толстого дерева низкий, ровный баритон, от которого по спине пробежала стайка мурашек.

Кабинет ректора ночью выглядел совершенно иначе, чем при свете дня. Огромные, стрельчатые окна от пола до потолка открывали вид на залитый холодным лунным светом парк — тот самый, где я вчера так резво скакала по скалам. Единственным источником света в просторной комнате был мягкий, уютный огонь в большом камине и пара плавающих под потолком магических сфер, отбрасывающих длинные, интригующие тени на высокие книжные стеллажи. Воздух пах дорогим табаком, старой бумагой и этим сводящим с ума морозным озоном.

Вернер сидел за своим колоссальным столом из черного дерева, заваленным аккуратными стопками пергаментов. Камзола на нем ожидаемо не было — только белоснежная рубашка с небрежно, по-домашнему закатанными до локтей рукавами. Плотная ткань натягивалась на его широких плечах каждый раз, когда он перелистывал страницу. На фоне темной массивной мебели его серебряные волосы казались сотканными из чистого лунного света.

Я аккуратно, беззвучно прикрыла за собой дверь и осталась стоять у порога, заложив руки за спину.

— Добрый вечер, господин ректор. Вызывали для углубленного изучения моих потоков? — я выделила последние слова легкой, дразнящей иронией.

Элиас медленно, с пугающей грацией хищника отложил перо на подставку. Он не поднял головы сразу — сначала его ледяной взгляд скользнул по моим кожаным брюкам, тяжело и оценивающе поднялся по линии бедер, задержался на тонкой талии, скользнул к расстегнутому вороту шелковой блузки, и только потом, выдержав паузу, встретился с моим выжидающим взглядом. В его серых глазах промелькнуло что-то очень похожее на мрачное, мужское одобрение.

— Проходите, адептка Рокс. Присаживайтесь, — он небрежным жестом указал на глубокое кожаное кресло прямо напротив своего стола. — В ногах правды нет. Особенно в тех, которые так подозрительно быстро бегают по ночам.

Я плавно, от бедра подошла и опустилась в кресло, изящно закинув ногу на ногу. Матовая кожа брюк тихонько, волнуяще скрипнула.

— Вы все еще сердитесь за тот разбитый бокал, магистр? Я могу возместить ущерб. Правда, государственная стипендия у меня весьма скромная

— Меня мало волнует бокал, Рокс, — Вернер откинулся на высокую спинку своего кресла, переплетя длинные пальцы рук на животе. Его мощный торс оказался в полутени, но я кожей, на физическом уровне чувствовала исходящую от него волну подавляющего жара. — Меня волнует ложь. В моей академии учатся сотни магов, и я досконально знаю силу и предел каждого. Но вы Вы по документам — слабая стихийница из дальней провинции с затухающим резервом. А сегодня на полигоне вы выдали такую чудовищную плотность пламени, какая под силу только сильным боевикам из древних родов. И при этом ваша аура искажается. Она двоятся.

Он подался вперед, опираясь локтями о столешницу. Психологическое давление во всей красе. Его холодные глаза, казалось, безжалостно заглядывали мне прямо под черепную коробку, читая мысли.

— Перевертыши — вымирающий, редкий вид, Рокс. А перевертыши, у которых есть полноценная, неконтролируемая магия Огня — это опасная аномалия. Законом строго предписано изолировать таких до выяснения обстоятельств в специальных камерах. Вы понимаете, что я обязан вызвать инквизицию прямо сейчас? Нажать одну руну на столе?

Моя рысь внутри испуганно пискнула и поджала виртуальный хвост, но я заставила себя рассмеяться. Негромко, искренне и очень азартно. Звонко, как бьется хрусталь.

— И почему же еще не вызвали, господин ректор? — я подалась вперед, зеркально копируя его позу, так что между нашими лицами осталось от силы полметра над поверхностью стола. — Инквизиторы приехали бы с бланками, антимагическими кандалами и кучей шума. А вы сидите здесь, один, в расстегнутой рубашке, пьете коньяк и разговариваете со мной о потоках. Вы ведь не хотите меня отдавать им. Зачем вам это?

На секунду в огромном кабинете повисла такая звенящая тишина, что было слышно, как с сухим треском лопаются дрова в камине. Вернер смотрел на мои приоткрытые губы, и его дыхание заметно участилось. Литые мускулы на его шее напряглись.

— Вы чертовски самоуверенны, блондинка, — тихо, с опасной хрипотцой произнес он. — Думаете, если вы привлекательны и умеете так искусно играть на моих базовых мужских инстинктах, то поймали удачу за пушистый хвост?

— Я думаю, что мы оба хищники, Элиас, — я впервые назвала его по имени, пробуя это запретное, острое слово на вкус, и заметив, как расширились его зрачки. — А хищники не сдают друг друга охотникам с ружьями. Им гораздо интереснее играть друг с другом.

Вернер резко, одним слитным движением поднялся со своего места. Его массивная фигура мгновенно перекрыла мягкий свет от камина, отбрасывая на меня огромную, поглощающую тень. Он бесшумно обошел стол и остановился прямо перед моим креслом. Дышать стало катастрофически трудно — воздух словно сгустился.

— Играть, значит? — он медленно наклонился, упираясь сильными руками в подлокотники моего кресла и фактически запирая меня в глухую ловушку своего тела. Запах морозного озона и моей спелой земляники смешался, создавая в воздухе сумасшедший, пьянящий коктейль. — Ну что ж. Давай проверим, насколько далеко ты готова зайти в этой игре, моя маленькая нелегальная адептка.

Ловушка с лязгом захлопнулась, но вместо ожидаемой паники меня затопила раскаленная волна чистого, концентрированного адреналина. Пространства между нами практически не осталось. Я могла пересчитать каждую серебряную ресничку, обрамляющую его штормовые глаза, чувствовала, как тяжело, размеренно вздымается его широкая грудь, скрытая лишь тонкой тканью рубашки.

— Смотря какова цена проигрыша, господин ректор, — тихо ответила я, заставляя свой голос звучать ровно, хотя внутри всё звенело от натянутого, как тетива, напряжения. Я легонько запрокинула голову, подставляя незащищенную пульсирующую шею под его пристальный взгляд. — Вы ведь не из тех мужчин, кто забирает приз, не дав достойному сопернику шанса отыграться?

Элиас глухо рыкнул — звук зародился где-то глубоко в его груди и был удивительно похож на настоящий звериный рык. Моя внутренняя рысь одобрительно прижала уши, признавая силу.

Он медленно опустил руки ниже, перехватив мои тонкие запястья, и мягко, но абсолютно непреклонно прижал их к кожаным подлокотникам кресла. Его ладони были огромными, сухими и обжигающе горячими. Мускулы его предплечий натянулись, как стальные тросы, полностью лишая меня даже гипотетической возможности пошевелиться. Вторая его рука скользнула к моему подбородку, длинные пальцы властно обхватили челюсть, заставляя смотреть прямо на него.

— Хватит паясничать, Рокс, — его голос стал низким, растерявшим всю академическую вежливость и броню. — Твоя магия незаконна. Твое нахождение в этих стенах — государственное преступление. И прямо сейчас ты сидишь в моем кабинете и пытаешься со мной отчаянно флиртовать, надеясь, что я закрою глаза на закон ради красивой блондинки с кошачьими повадками.

— А это работает? — я дерзко прикусила нижнюю губу, глядя прямо в его потемневшие, грозные глаза.

Вернер наклонился еще ниже. Его губы остановились в каком-то жалком, мучительном миллиметре от моих. Я физически ощущала жар его дыхания на своей коже. Его мощное тело буквально нависало надо мной, отрезая любой путь к отступлению. Если бы он действительно хотел меня уничтожить, он бы сделал это одним небрежным движением пальцев. Но он медлил.

— Работает, — неожиданно честно, хрипло признался он, и этот тихий, вибрирующий ответ ударил по моим оголенным нервам сильнее любого боевого заклинания. — Чертовски хорошо работает, Рокс. Но я привык полностью контролировать свои слабости. Ты останешься в академии. Пока что.

Я мысленно, победно закричала, но его следующая фраза заставила меня резко прикусить язык.

— Но условия игры теперь диктую я, — подушечка его большого пальца медленно, с обжигающим нажимом очертила контур моей нижней губы, заставляя меня судорожно, рвано вздохнуть. — Каждый вечер. Ровно в девять часов. Ты будешь приходить в этот кабинет. Мы будем изучать твои скрытые резервы. Лично. Под моим полным ментальным и физическим

контролем. Если ты пропустишь хоть один вечер, хоть на минуту опоздаешь — утром у дверей твоего общежития тебя встретит вооруженный конвой инквизиции. Вопросы есть?

— И как же будут называться эти ночные бдения по вашим официальным документам? — спросила я, из последних сил пытаюсь вернуть лицу хотя бы видимость азартной усмешки, хотя внизу живота уже всю разливалось опасное, тягучее, пульсирующее тепло.

— Индивидуальная практика по укрощению огня, адептка, — Вернер наконец отпустил мои руки, скользнув пальцами по коже запястий, и медленно выпрямился, возвращаясь в свое привычное состояние недостижимого ледяного короля. Но я видела, как тяжело вздымается его грудь под рубашкой, и как лихорадочно, голодно блестят его глаза. — А теперь — марш в общежитие. И молись всем богам, чтобы твоя взрывоопасная подружка не спалила комнату до твоего возвращения.

Я плавно поднялась с кресла. Ноги слегка подкашивались от пережитого перепада давления, но я заставила себя сделать глубокий, издевательский реверанс — медленный, текучий, истинно кошачий.

— До завтра, господин ректор, — бархатисто, с обещанием произнесла я.

Развернулась и пошла к двери, не оглядываясь, но отчетливо, каждой клеточкой спины чувствуя его тяжелый, обжигающий взгляд, скользящий по моим волосам и талии.

Кажется, сегодня я действительно спасла свою шкуру и право учиться. Но цена за эту свободу обещала быть невероятно жаркой. Настоящая игра только начиналась, и теперь мы оба сидели в одной захлопнувшейся ловушке.

Глава 5. Особенности индивидуального укрощения.

Тяжелая дубовая дверь кабинета ректора захлопнулась с тихим, но оглушительным в ночной тишине щелчком, отрезая меня от запаха морозного озона и мужского парфюма. Я обессиленно привалилась лопатками к прохладной каменной стене коридора, чувствуя, как по венам, смешиваясь со сладким, липким страхом, до сих пор циркулирует расплавленный огонь.

Колени предательски подрагивали. Я медленно поднесла пальцы к губам — кожа все еще горела там, где ее обжег властный росчерк его большого пальца.

— Ну ты и вяпалась, Рокси, — прошептала я в пустоту темного, спящего академического крыла, слушая собственное сбитое дыхание.

Внутренняя рысь лениво, с наслаждением потянулась и развалилась на воображаемой залитой солнцем поляне. «Вяпалась? Да мы сорвали джекпот! Ты видела, как у него потемнели зрачки? Он пахнет первобытной силой, глупая ты двуногая. Хватай его за шкуру и тащи в норку, пока другие облезлые кошки не набежали».

«Какая норка, дурында ты меховая?! Это он нас только что приволок в свою менторскую берлогу!» — мысленно огрызнулась я, отлепляясь от стены и заставляя ватные ноги двигаться в сторону женского общежития.

Марго ждала меня, забаррикадировавшись на кровати. Она завернулась в бордовое форменное одеяло, как огромная гусеница, и нервно грызла ноготь на большом пальце. Стоило мне бесшумно проскользнуть в комнату, как кокон мгновенно развернулся, являя миру бледную, взлохмаченную и пахнущую корвалолом огненную магичку.

— Живая! — истерично выдохнула она, бросаясь ко мне на шею так, что мы едва не повалились на пол. — Рокси, клянусь Пламенем, я уже собиралась вызывать боевую пожарную команду и штурмовать ректорат! Что произошло? Тебя пытали? Тебя не связали антимагическими цепями?

— Не связали, — я сбросила узкие туфли, от которых уже гудели ступни, и устало рухнула на кровать, раскинув руки в стороны. — Но посадили на очень, очень короткий поводок.

Когда я в красках пересказала подруге условия нашего «договора», Марго несколько минут просто молча моргала, пытаясь переварить информацию. А затем выдала историческую фразу, от которой мне захотелось взвыть:

— Это не индивидуальные занятия, Рокси. Это это приватные уроки дрессировки! Ты хоть понимаешь, к кому в пасть ты сунула голову? Он же высший менталист! Он сотрет твои психологические защиты, как кусок мела мокрой тряпкой, а потом потом обратит в свою покорную рабыню! Или, что еще хуже, заставит сдавать итоговые экзамены экстернатом!

Я не выдержала и истерически расхохоталась, зарываясь лицом в прохладную подушку. Марго в своем репертуаре — досрочные экзамены для нее были куда страшнее костров инквизиции. Но глубоко внутри, под слоем бравады, я понимала: подруга абсолютно права. Вернер начал крайне опасную, многоуровневую игру. Он не сдал меня властям вовсе не из-за внезапного приступа душевной доброты. Я для него — нерешенная загадка, магическая аномалия и вызов. Вызов его хваленому, безупречному самоконтролю.

И я сделаю абсолютно всё, чтобы этот ледяной контроль треснул по швам.

Следующий день превратился в одну сплошную, изошренную пытку ожиданием. Время тянулось медленнее, чем густая сосновая смола по стволу дерева.

На утренней лекции по артефакторике я, витая в облаках, умудрилась перепутать руну малого взрыва с руной глубокой заморозки, едва не лишив бровей соседа по парте. На обеде в шумной столовой я трижды поймала на себе пристальные, сальные взгляды старшекурсников — слухи о моем «фееричном выступлении» на полигоне и укороченном огненном хлысте уже всюду гуляли по этажам академии.

Но хуже всего было то, что сам ректор за весь бесконечный день ни разу не попался мне на глаза. Словно его и не существовало в природе, словно та жаркая, наэлектризованная полутемная атмосфера его кабинета мне просто привиделась в горячечном бреду.

Но когда минутная стрелка башенных часов неумолимо подползла к 20:50, мой желудок сжался в тугой, холодный узел.

Я критично, придирчиво осмотрела свое отражение в мутном зеркале общежития. На этот раз — никаких провокационных брюк в обтяжку и полупрозрачных шелковых блузок. Я надела стандартную бордовую форму, застегнутую на все до единой пуговицы, вплоть до ключиц. Ворчливый завхоз все-таки выдал мне новый плотный жилет, который сидел строго по академическому уставу, ни на миллиметр не подчеркивая фигуру. Волосы были безжалостно стянуты в тугой, скучный пучок.

Хватит с него откровенных провокаций. Пусть думает, что я смирилась, приняла правила игры и пришла к нему забитой, покорной адепткой. Посмотрим, на сколько хватит его выдержки при виде этой «монашеской» добродетели.

Ровно в девять вечера я трижды, с идеальным интервалом, ударила костяшками пальцев по массивному дубу ректорской двери.

— Войдите, — раздался уже знакомый бархатистый, вибрирующий голос, от одного звука которого по спине моментально пробежал колючий холодок.

Я толкнула тяжелую створку и переступила порог. Просторный кабинет встретил меня привычной полутьмой и острым, будоражащим рецепторы запахом морозного озона. Но Вернер сегодня не прятался за своим колоссальным столом.

Он стоял прямо посреди комнаты, небрежно убрав руки за спину. На нем были простые, свободные черные брюки и расстегнутая на две пуговицы темная льняная рубашка. Без строгого камзола. Без обуви — в одних лишь плотных черных носках, что делало его монументальную, широкоплечую фигуру обманчиво домашней, расслабленной и от этого еще более смертоносной.

— Вы исключительно пунктуальны, адептка Рокс, — произнес он, медленно, с кошачьей грацией поворачиваясь ко мне.

Его серебряные волосы сегодня не были стянуты шнурком — они свободно, мягкими тяжелыми прядями падали на широкие плечи. Холодный, сканирующий взгляд серых глаз скользнул по моей наглухо застегнутой, мешковатой форме, и я заметила, как на его чувственных губах мелькнула едва уловимая, снисходительно-ироничная усмешка.

— Оценил ваш новый, аскетичный образ. Решили поиграть в прилежную и послушную студентку?

— Я всегда исключительно прилежна, господин ректор, — я скромно, трепетно опустила ресницы, сложив руки в замок на животе. — Полностью готова к усвоению теоретического материала. С чего начнем? С третьего тома учебника по структурированию стихийных потоков?

Вернер сделал плавный шаг ко мне. Бесшумно. Как настоящий, матерый хищник, подкрадывающийся к жертве по мягкому мху.

— Забудьте про учебники, Рокс. Мы здесь одни не для того, чтобы зубрить пыльные правила, которые вы все равно феноменально нарушаете, — он остановился ровно в одном шаге от меня, вторгаясь в личное пространство, и я снова кожей почувствовала, как воздух между нами начинает искрить от напряжения. — Сегодня мы проверим базовый уровень вашего доверия. И начнем мы с ментального слияния.

Он медленно поднял правую руку и плавно приблизил свои длинные, сильные пальцы к моему правому виску.

— Я войду в твое сознание, рыска, — тихо, почти интимно прошептал он, без предупреждения переходя на запретное, будоражащее «ты». — А ты попробуешь не выпустить свои

дикие когти. Если выдержишь три минуты — получишь зачет по сегодняшнему дню. Если сорвешься и попытаешься закрыться что ж, я просто выпотрошу твой разум и узнаю все твои грязные, пушистые секреты.

Моя внутренняя кошка испуганно зашипела, выгнув спину дугой, а я с ужасом поняла, что ледяной король решил ударить сразу из тяжелой артиллерии — прямо по моему самому слабому, незащищенному месту. По моей тайне.

Ледяные подушечки его пальцев легли на мой висок, и меня мгновенно прошибло мощным, до звона в зубах, разрядом статического электричества. Внутренняя кошка утробно взвыла и попыталась забиться под воображаемый ментальный диван, накрыв голову лапами.

— Закрой глаза, Рокс. И просто дыши, — тихо, гипнотически скомандовал Вернер.

Я послушно опустила веки. Тьма перед глазами тут же взорвалась россыпью холодных серебряных искр. Его чужеродная магия ввинчивалась в мое сознание плавно, но неотвратимо, словно алмазный ледобур вглубь замерзшего озера. Ощущение было странным, щекотным, выворачивающим наизнанку и пугающе интимным — чужая, подавляющая воля бесцеремонно копошилась в моих мыслях, брезгливо раздвигая слои недавних воспоминаний, как страницы дешевой книжонки.

«Так, Рокси, соберись! — в панике мысленно приказала я сама себе, чувствуя, как он подбирается к детству. — Вспоминаем вчерашнюю лекцию. Иллюзия покорности! Не борись с ним. Расслабься, прогнишь и перенаправь его же удар».

Если бы я сейчас начала судорожно возводить кирпичные ментальные щиты, он, как магистр-менталист, снес бы их за одну секунду и нос к носу столкнулся бы с моей пушистой звериной тайной. Поэтому я сделала ровно противоположное, немислимое. Я распахнула свои ментальные двери настежь. Но вместо воспоминаний о приемных родителях и о моем истинном облике перевертыша, я обрушила на него концентрированные мысли о нем самом.

Идеальный блеф — это великое искусство. И прямо сейчас я использовала самое мощное, подлое оружие, доступное загнанной в угол женщине.

Когда холодный ментальный щуп Вернера попытался протиснуться глубже, к моим закрытым, потаенным зонам, он буквально с размаху захлебнулся в бурлящем океане моих сегодняшних фантазий.

Я заставила собственное сознание в деталях транслировать то, как сокрушительно эффектно он выглядел утром на полигоне в своей черной боевой форме. Как хищно и плавно перекачивались тугие мускулы под тонкой тканью его рубашки. Каким обжигающе горячим было собственническое прикосновение его пальцев к моей незащитной шее. Я щедро плеснула туда капельку искреннего девичьего восхищения, добавила солидную щепотку чисто эротического, горячего любопытства (интересно, а шрамы у нашего ледяного ректора на широкой спине есть? а какие они на ощупь?) и густо приправила этот ментальный коктейль терпким ароматом можжевельника и лесной земляники.

В абсолютной тишине кабинета раздался резкий, судорожный мужской вздох.

Его пальцы, лежащие на моем виске, крупно дрогнули. Серебряный, уверенный поток его магии, который только что хозяйски исследовал мою голову, вдруг замер на месте, дезориентированный этой бесстыдной, сокрушительной эмоциональной атакой. Менталист высшего уровня, привыкший находить в умах перепуганных студентов сухие формулы, шпаргалки или мелкие обиды, оказался с головой погребен под лавиной откровенных мыслей о собственной сексуальной привлекательности.

«Рокс — раздался прямо в моей голове его мысленный голос. Глубокий, хриплый и явно, катастрофически растерянный. — Что ты творишь?»

«Вы же сами просили полного ментального слияния, господин ректор, — предельно невинно, хлопая виртуальными ресничками, отозвалась я, мысленно подмигивая ему. — Я

доверяю вам самое сокровенное. Мои трепетные девичьи думы. Вам не нравится вектор моих мыслей? Могу переключиться на детальный, анатомический разбор ширины ваших плеч»

«Немедленно прекрати», — приказал он, но в этом мысленном приказе уже не было и следа прежней ледяной, диктаторской уверенности.

Напротив, я с торжеством почувствовала, как его собственное сознание начало стремительно нагреваться. Наша связь стала двусторонней, открытой, и в мой разум обратной волной ударили отголоски его эмоций: глухое, рычащее раздражение, густо смешанное с мощным, сбивающим с толку, тяжелым мужским желанием. Моя «покорность» оказалась для него идеальной, непроходимой ловушкой.

Его магия судорожно дернулась, отчаянно пытаюсь вырваться из липкой паутины моих навязчивых, жарких мыслей и все-таки нащупать нужный тайник с секретами. Но моя внутренняя рысь уже сориентировалась в пространстве. Стоило серебряному лучу Вернера приблизиться к «красной зоне», где дремала моя звериная суть, как я мысленно, с мстительным удовольствием подсунула ему самую яркую картинку: он сам, тяжело дышащий, грубо прижимающий меня спиной к этому самому дубовому столу, срывающий с меня эту дурацкую, застегнутую на все пуговицы форму.

Это был запрещенный удар ниже пояса. Почти буквально.

Вернер резко, с глухим рыком разорвал контакт. Его широкая ладонь отдернулась от моего виска так стремительно, словно он только что обжегся о раскаленное добела клеймо.

Я медленно открыла глаза и слегка покачнулась на пятках от резкого головокружения — разрыв связи дался нелегко.

Ректор стоял в полуметре от меня, тяжело и часто, со свистом втягивая воздух ноздрями. Его безупречные серебряные волосы слегка растрепались, упав на лицо, а на острых, аристократичных скулах горел отчетливый, темный румянец. Холодный лед его серых глаз расплавился, превратившись в бушующий, темный шторм.

— Ты просто невыносима, Рокс, — прохрипел он, сжимая руки в кулаки с такой силой, что отчетливо побелели костяшки. — Это было грубейшее нарушение всех протоколов ментальной безопасности! Ты намеренно забила канал связи мусором!

— Мусором?! — я артистично, театрально обиженно надула губы, хотя внутри меня сейчас играл победный марш с оркестром. Тайну я сохранила, время с запасом выдержала, да еще и великого магистра из колеи выбила. — Вообще-то, это были мои самые искренние, самые светлые и чистые чувства к высшему руководству академии! Вы требовали безоговорочного доверия — я открылась полностью. Три минуты, к слову, уже прошли. Где мой законный зачет?

Вернер сделал короткий, резкий шаг ко мне, и на долю секунды мне показалось, что он сейчас просто перекинет меня через колено и от души всыплет ремня за такую неслыханную дерзость. Литые мускулы под его темной льняной рубашкой ходили ходуном от напряжения. Он смотрел на мои губы сверху вниз так, словно пытался решить сложнейшую математическую задачу — задушить меня прямо здесь, на ковре, или поцеловать до полной потери сознания.

— Зачет, — наконец глухо выплюнул он, резко отворачиваясь и направляясь к своему столу.

Схватив тяжелый графин, он плеснул себе полный, до краев, бокал коньяка — того самого, коллекционного эльфийского — и осушил его одним длинным, нервным залпом, даже не поморщившись.

— Ты свободна, адептка. На сегодня. Но не обольщайся и не думай, что ты победила. Завтра мы кардинально сместим фокус. Перейдем на жесткий физический контроль твоей нестабильной магии. И поверь мне там твои дешевые женские штучки тебе ничем не помогут.

— Ловлю на слове, господин ректор, — я лукаво, довольно улыбнулась, поправила свой идеально застегнутый уставной жилет и, не дожидаясь, пока он передумает и найдет повод оставить меня, попятилась к спасительному выходу.

Уже закрывая за собой тяжелую створку двери, я сквозь щель услышала его тихий, полный обреченного отчаяния шепот:

— Проклятая блондинка Береги мои нервы.

О да. Игра становилась все горячее и интереснее. И, кажется, многовековой ледник нашего неприступного ректора не просто дал первую трещину — он начал стремительно, необратимо таять.

Глава 6. Опасные игры в партере и предательские инстинкты.

В общежитие я не шла — я практически летела на невидимых крыльях собственного триумфа. Адреналин сумасшедшими толчками бурлил в крови, требуя немедленного выхода, и мне стоило колоссальных усилий воли не обернуться рысью прямо посреди безлюдного лестничного пролета, чтобы в несколько мощных прыжков преодолеть ступени на четырех лапах. Ткань наглухо застегнутого жилета казалась теперь слишком тесной, удушающей.

Когда я с тихим стуком ввалилась в нашу комнату, Марго бдительно сидела над раскрытым фолиантом по высшему зельеварению. Впрочем, судя по её абсолютно стеклянному, невидящему взгляду, за последние два часа она не прочитала ни единой строчки.

— Ну?! — она захлопнула тяжелую книгу с таким резким хлопком, что с верхней полки на пол со стуком свалился старый пожелтевший череп, служивший нам эксцентричной подставкой для карандашей. — Рассказывай немедленно! Он тебя пытал? Пытался вскрыть память ментальными иглами?

— Пытался, — я с наслаждением рванула шнуровку, сбросила форменный жилет на стул и счастливо, раскинув руки, рухнула на свою кровать. — Но я оказала ему скажем так, нетрадиционное психологическое сопротивление.

После того как я во всех сочных подробностях описала подруге свою отчаянную тактику «ментального соблазнения», Марго медленно, словно у нее подкосились кости, сползла со стула прямо на ворсистый ковер.

— Рокси ты транслировала магистру-менталисту в голову детальные фантазии о его же кубиках пресса? И о рельефе его плеч? — потрясенно прошептала она, намертво прикрывая лицо ладонями. — О великое пламя, как мне теперь развидеть то, что я только что услышала Тебя отчислят, Рокс! И не за незаконную магию перевертыша, а за открытые сексуальные домогательства к высшему академическому руководству!

— Не отчислят, — довольно, сыто потянувшись я всем телом, чувствуя, как внутри довольно мурлычет сытый зверь. — Ты бы только видела, как этот ледяной монарх вспыхнул. На скулах багровые пятна, дыхание как после марафона. Под этим безупречным вековым льдом бушует такой вулкан, Марго, что мало никому не покажется. Но главное — я уберегла свой секрет. Моя кошка осталась незамеченной. А завтра завтра будет новый раунд.

Засыпая под мерный стук дождя по стеклу, я раз за разом прокручивала в памяти его рванный, судорожный вздох и потемневший от желания взгляд серых глаз. Игра действительно становилась смертельно опасной, но отступать было уже не просто некуда — мне самой, до дрожи в ладонях, больше не хотелось пятиться назад.

Следующее утро и день пролетели в каком-то полусонном тумане бесконечных, занудных лекций. Я ждала вечера с таким болезненным, лихорадочным нетерпением, что даже старый профессор по истории магии в конце пары прилюдно похвалил меня за «горящий взгляд и похвальную тягу к знаниям». Знал бы он, почтенный старец, к какому именно объекту в этой академии меня так непреодолимо тянет.

Ровно в восемь вечера, когда я перелистывала конспект, прямо на мой деревянный стол со свистом спикировал маленький магический вестник — изящная огненная птичка, сотканная из оранжевых искр. Из её полуоткрытого клюва отчетливо пропищал низкий, вибрирующий голос Вернера:

«Девять ноль-ноль. Тренировочный зал номер три, подвальный уровень. Форма одежды — спортивная».

Пропев послание, птичка с тихим шипением рассыпалась горсткой невесомого серого пепла на мою тетрадь. Я озадаченно посмотрела на этот пепел, а затем — на свой скудный гардероб.

Третий тренировочный зал славился среди студентов дурной репутацией. Именно там проводили свои самые жестокие, изнуряющие контактные тренировки боевые маги старших курсов. Руны подавления там работали на полную мощность: никакой стихийной магии, никаких заклинаний — только голая физическая сила, реакция и выносливость на пределе возможностей.

Натянув облегающие черные лосины, выгодно подчеркивающие линию бедер, и простую, не сковывающую движений майку из плотного хлопка, я собрала тяжелые светлые волосы в высокий, тугой хвост на затылке. Осмотрев себя, я поняла, что отправляюсь то ли на изощренную казнь, то ли на самое странное свидание в своей жизни. Впрочем, граница между этими понятиями в случае с магистром Вернером стремительно стиралась.

Подвальный уровень встретил меня глухой прохладой каменных сводов и специфическим, острым запахом старых тренировочных матов, сушеной полыни и железа. Огромный зал был тускло освещен — вдоль стен едва заметно мерцали накопительные артефакты, отбрасывая на выскобленный пол длинные, ломаные тени.

Элиас уже был там.

И если вчера я наивно полагала, что он чертовски сексуально выглядел в расстегнутой рубашке, то сейчас я поняла, как глубоко заблуждалась. На ректоре были только свободные темные спортивные штаны, низко сидящие на бедрах. Его колоссальный торс — широкий, с безупречным, литым рельефом мускулов, покрытых едва заметной глянцевой испариной, — был абсолютно обнажен. На бледной коже груди и правого бока четко выделялась россыпь старых, тонких боевых шрамов.

Он методично, с какой-то медитативной жестокостью обматывал крупные кисти рук длинными эластичными бинтами черного цвета. Каждое его движение, каждый поворот корпуса лучились такой тяжелой, хищной, звериной грацией, что у меня перехватило дыхание.

Моя внутренняя рысь внутри мгновенно подавилась слюной и мысленно потянулась вперед — заискивающе потереться мордой о его сильную лодыжку.

— Закрой рот, Рокс, а то простудишься, — даже не поднимая глаз от своего занятия, ровным, бархатистым голосом произнес Вернер.

Я судорожно моргнула, поспешно захлопнула рот, который, оказывается, и правда слегка приоткрылся от этого возмутительно великолепного зрелища, и уверенно шагнула на упругие маты.

— Решили взять меня измором, магистр? Или надеетесь, что я упаду в обморок от вида вашего раздетого торса?

— Я решил взять тебя под тотальный контроль, — он туго затянул узел на запястье, зафиксировав бинт, и наконец поднял на меня тяжелый взгляд.

Сегодня в его глазах не было привычного льда — там плескался расплавленный, темный свинец и глухая, пугающая решимость.

— Вчера ты наглядно доказала, что твоя ментальная защита нестандартна. Ты умеешь отвлекать внимание. Но истинная магия Огня — это не только игры разума. Это твоё тело. Твой сосуд. Если тело слабое и нетренированное, собственный резерв рано или поздно просто сожжет тебя изнутри, превратив в горстку угля.

Он плавно, бесшумно двинулся в мою сторону, сокращая расстояние.

— Правило сегодняшнего вечера предельно простое. Никакой магии. Только чистый физический контакт, — его голос понизился на октаву, став интимно-хриплым. — Посмотрим, Рокс, сможешь ли ты смутить меня своими горячими фантазиями, когда я жестко прижму тебя лопатками к полу. Нападай.

Я вызывающе фыркнула, принимая боевую стойку:

— Бить действующего ректора? Это ведь пахнет государственной изменой и каторгой.

— Рокс, если ты меня за этот вечер хотя бы поцарапаешь, я лично выпишу тебе королевскую премию, — его губы изогнулись в опасной, многообещающей усмешке.

«Ну ладно, ледяной король. Сам напросился», — злорадно подумала я.

Я не стала медлить ни секунды. Звериные, первобытные инстинкты, которые я годами тщательно прятала под маской человеческой слабости, сейчас могли сослужить мне идеальную службу. Я резко рванула вперед, симулируя прямой удар в солнечное сплетение, но в самое последнее мгновение, используя гибкость перевертыша, ушла корпусом влево, закручиваясь волчком и пытаясь сделать ему резкую подсечку под опорную ногу.

Моя скорость была феноменальной, немислимой для обычной хрупкой девушки. Но Вернер не был обычным. Он даже не сдвинулся с места, словно просчитал мою траекторию еще до начала движения. Его рука, обмотанная черным бинтом, метнулась вперед быстрее молнии, намертво перехватывая мое запястье. Короткий, мощный рывок на себя — и весь мир перед моими глазами с размаху крутанулся по безумной дуге.

Я успела сгруппироваться прямо в воздухе — врожденная кошачья ловкость спасла от жесткого, переламывающего хребет падения. Я мягко, бесшумно спружинила на ноги, моментально разорвав дистанцию на несколько метров.

Элиас медленно приподнял одну идеальную бровь, оценивая мой пируэт.

— Какая поразительная, текучая пластика. И где же, интересно, провинциальные адептки учатся так профессионально приземляться на четыре конечности, словно дикие кошки?

— Жизнь в провинции сурова, господин ректор, — тяжело дыша, огрызнулась я, чувствуя, как глубоко в груди просыпается дикий, пьянящий азарт настоящей охоты. — То от взбесившегося кабана уворачивайся, то от пьяного соседа с вилами. Привыкаешь крутиться.

Следующие полчаса превратились в изматывающий, красивый и страшный танец двух хищников. Я извивалась, прыгала, скользила по матам, используя всю свою звериную прыгучесть. Вернер наступал — методично, тяжело, неумолимо, шаг за шагом загоняя меня в угол зала. Он не пытался наносить удары, он словно скрупулезно изучал анатомию каждого моего микродвижения.

Его горячие ладони то и дело жестко перехватывали мои предплечья, скользили по влажной талии, блокировали выпады. От этих мимолетных тактильных контактов моя кожа горела так, словно к ней прикладывали раскаленные угли. Воздух в зале становился все плотнее, пропитываясь запахом нашей усталости, озона и моего собственного, глухого, неконтролируемого возбуждения.

Наконец, выносливость перевертыша дала сбой — человеческое тело требовало отдыха. Запахавшись, я совершила роковую ошибку: сделала слишком глубокий выпад вперед, на мгновение потеряла идеальное равновесие, и в ту же секунду Элиас хищно шагнул навстречу.

Его нога ювелирно подбила мою лодыжку, и он всей своей тяжелой, литой массой обрушился сверху, увлекая нас обоих на упругие маты.

Тяжелый удар выбил из моих легких последние остатки воздуха. Я оказалась намертво прижата к полу. Его мощные, жесткие бедра каменными тисками зафиксировали мои ноги, полностью лишая маневра. Одна его огромная ладонь перехватила оба моих запястья, впечатав их в мат над моей головой, а вторая рука легла на мою талию, практически прожигая кожу сквозь тонкую, промокшую от пота ткань майки.

Моя грудь лихорадочно, высоко вздымалась, вплотную соприкасаясь с его горячим, влажным и тяжело вздымающимся обнаженным торсом. Лицо ректора оказалось в каких-то несчастных двух сантиметрах от моего. Я видела, как расширены его зрачки, оставив от серых глаз лишь тонкий ободок.

— Попалась, — тихо, с торжествующей, опасной хрипотцой выдохнул он мне прямо в губы.

И в этот момент внутри меня что-то с оглушительным треском сломалось. Дремавшие доселе дикие инстинкты взорвались первобытным хаосом. Паника зверя от того, что его повалили на лопатки и прижали к земле, мгновенно смешалась с сумасшедшим, порочным желанием полностью подчиниться этому невероятно сильному, доминантному альфе.

Я не выдержала напряжения. Из моей горловины вырвался звук, который не имел ничего общего с человеческим стоном или криком — это было глубокое, утробное, вибрирующее рычание дикого зверя.

Мои глаза на долю секунды полыхнули ярким, неестественным желто-янтарным огнем, а ногти на свободной левой руке, которую он не успел заблокировать, инстинктивно удлинлись, превратившись в полупрозрачные, бритвенно-острые кошачьи когти. Я с силой впиалась ими в его обнаженное правое плечо, разрывая кожу и оставляя три рваные, глубокие красные царапины.

Вернер резко замер, окаменел.

Его серые глаза шокированно расширились, когда он физически ощутил резкую вспышку боли и услышал этот вибрирующий звериный рык над самым ухом. Он медленно, словно не веря собственным рецепторам, опустил взгляд на свое плечо, где из трех полос мгновенно выступили крупные, рубиновые капли крови, а затем перевел потемневший взор на мои губы, которые все еще были приоткрыты в глухом хищном оскале.

Тишина в подвальном зале стала абсолютной, звенящей. Было слышно лишь, как тяжело, в унисон стучат наши сердца.

— Рысь — едва слышно, по слогам, выдохнул ректор.

В его голосе не было ожидаемого гнева или брезгливости. Там плескалось лишь шокирующее, темное, почти благоговейное осознание.

— Так вот кто той ночью так резво бегал по моему лунному парку.

Секунды вытягивались в бесконечную, тягучую вечность. Время вокруг нас застыло, превратившись в густую, липкую смолу, в которой мы оба увязли по самые уши. Мое безумное сердце колотилось о его грудную клетку с такой оглушительной силой, что мне казалось — наши ребра вот-вот с треском сломаются от этого ритма.

«Дура! Какая же ты пушистая, безмозглая дура!» — мысленно завывала я, в панике глядя на три тонкие полоски крови, медленно струящиеся по его безупречному, бледному плечу.

Когти уже послушно втянулись назад, вернув пальцам обычный девичий вид, но дело было сделано. Эти три улики кричали о моем преступлении громче любого министерского инквизитора.

Элиас не шевелился, продолжая нависать надо мной всей своей монументальной массой. Он по-прежнему удерживал мои запястья над головой, но характер его хватки неумовимо изменился — пальцы больше не фиксировали меня мертвым, арестантским захватом. Они скорее медленно, гипнотически поглаживали нежную кожу на внутренней стороне моих запястий.

Его тяжелый взгляд переместился с раненого плеча обратно к моему лицу, задерживаясь на моих покусанных губах, на сужившихся зрачках, на прядях волос, выбившихся из хвоста.

— Так это действительно была ты, — тихо, почти заворуженно, с какой-то пугающей нежностью повторил он. В его низком голосе не было и капли той ярости, которую я так панически ждала. В нем звенело опасное, глубокое, торжествующее упоение охотника, который наконец-то, после долгих поисков, загнал в капкан самую редкую и неуловимую добычу в королевстве. — Перевертыш. Дикая кошка, умудрившаяся пробраться в самое сердце моего логова.

— Отпустите меня, магистр — едва слышно прошептала я. Мой голос предательски дрогнул, растеряв всю былую спесь. Хваленый азарт мгновенно испарился, уступая место голым, первобытным эмоциям.

— Не отпущу, — Вернер склонился еще ниже, так что его рассыпанные серебряные волосы шелковой завесой упали на мое лицо, полностью отрезая нас от остального огромного зала. — Ты ведь прекрасно понимаешь, Рокс, что теперь твоя игра окончательно окончена? Блефовать больше нечем. Все карты раскрыты, и они крапленые. У тебя на руках фальшивый патент мага, незаконное нахождение на режимном объекте и прямое физическое нападение на ректора академии. За подобный букет не просто с позором отчисляют. За такое менталисты инквизиции полностью стирают личность, превращая человека в пустой овощ.

— Тогда почему почему вы все еще не активировали свой сигнальный амулет на запястье? — я упрямо, из последних сил вздернула подбородок, хотя изнутри меня уже коло-тила крупная, неконтролируемая дрожь. Его обнаженное тело, прижатое к моему, излучало такой сумасшедший, первобытный жар, что у меня кружилась голова. — Чего же вы ждете, господин ректор? Зовите охрану! Сдайте меня!

— Ты действительно хочешь, чтобы я их позвал? — его серые глаза потемнели до цвета грозового ночного неба.

На его губах появилась медленная, порочная и невероятно притягательная усмешка.

— Нет, моя дорогая, строптивая адептка. Я слишком эгоистичен. Я не для того двое суток ломал голову над твоей восхитительной загадкой, чтобы теперь просто взять и отдать тебя какому-то министерскому чиновнику в серой мантии.

Он медленно, плавно разжал хватку на моих запястьях. Но вместо того чтобы подняться и прекратить этот опасный контакт, он скользнул своей огромной ладонью выше — по моей обнаженной руке, к плечу, а затем его длинные пальцы мягко, с нажимом зарылись в мои волосы на затылке, слегка потянув пучок вверх и заставляя меня еще сильнее выгнуть шею навстречу его лицу.

Второй рукой он небрежно коснулся тех самых свежих царапин на своем плече, размазывая подушечкой пальца теплую каплю крови, а затем перенес этот палец к моим губам, едва ощутимо, медленно очертив их контур. Я почувствовала на губах солоноватый, металлический вкус его крови.

— Ты — моя личная, персональная аномалия, Рокси, — хрипло, почти интимно выдохнул он, впервые назвав меня уменьшительным именем. — И разбираться с тобой я отныне буду исключительно сам. Без привлечения инквизиции.

Между нашими телами вспыхнуло такое мощное, концентрированное напряжение, что в полумраке вокруг матов материально заплескались крошечные серебряные и оранжевые искры. Наши магии — его ледяная, ментальная стихия и моя дикая, импульсивная звериная суть — с треском рвались навстречу друг другу, признавая полное, безоговорочное слияние.

— И какова же будет цена вашего молчания теперь? — выдохнула я прямо в его приоткрытые губы, чувствуя, как внутренний зверь внутри меня окончательно и с потрохами признает свое полное поражение перед этим мужчиной.

Элиас смотрел на мои губы так, словно умирал от жажды посреди бескрайней пустыни. Его хваленый самоконтроль, его легендарная ледяная выдержка — всё это с треском рушилось прямо у меня на глазах. Мускулы его торса напряглись до звенящего предела.

— Полное, безоговорочное подчинение, Рокси, — прошептал он, и его горячее дыхание опалило мою шею. — Ты будешь делать абсолютно всё, что я сочту нужным. На лекциях, на полигоне и здесь, в этой комнате. Ты станешь моей личной тенью. А начну я это укрощение пожалуй, с немедленной конфискации этого чертовски дерзкого взгляда.

Он не стал больше ждать ни секунды. Его губы жестко, требовательно и невероятно горячо накрыли мои в глубоком, собственническом поцелуе, окончательно выбивая из моего ума последние крупинцы здравого смысла.

Глава 7. Тайны, поджоги и эльфийские интриги.

Поцелуй Элиаса Вернера был подобен внезапному, сокрушительному сходу ледяной лавины — сносящий все ментальные защиты, оглушающий, первобытный и пугающе горячий. На какую-то шальную секунду мой разум просто капитулировал, полностью отключившись и уступив место чистым, незамутненным инстинктам. Внутренняя рысь утробно, удовлетворенно замурчала, признавая безоговорочную силу этого мужчины, а мои пальцы сами собой судорожно сжали его мощные, влажные плечи, упрямо притягивая его еще ближе к себе.

Но уже в следующее мгновение в глубине сознания набатом забил яростный колокол врожденного упрямства.

«Сдаться? Вот так просто? После всего, через что я прошла?!» — обожгла изнутри злая, отрезвляющая мысль.

Этот сереброволосый диктатор наивно полагал, что поймал меня. Думал, что прижал к матам, пригрозил страшной инквизицией — и дикая кошка послушно подставит шею под его именной ошейник? Плохо же он знает истинных перевертышей. Мы можем признать сильнейшего альфу, но подчиняться ему без жестокого боя? Никогда. Он целенаправленно утягивал меня на свою территорию, диктуя жесткие правила и границы. Но это всё еще моя игра. И я заставлю его плясать под мою дудку, даже находясь на лопатках.

Когда его поцелуй стал глубже, требовательнее, а тяжелая хватка на моих волосах на мгновение ослабла от нахлынувшей, ослепляющей страсти, я резко, кардинально сменила тактику.

Вместо того чтобы продолжать тщетно вырываться, я ответила ему — жадно, сокрушительно, с коротким, острым укусом за нижнюю губу, заставив его глухо, удивленно застонать прямо мне в рот. А в следующий миг я резко, всем телом крутанула бедрами.

Использовать инерцию и колоссальный вес превосходящего противника против него самого — базовый курс выживания в дикой тайге.

Элиас, явно никак не ожидавший от «сломленной» добычи столь молниеносного маневра, на долю секунды потерял баланс массы. Этой ничтожной заминки мне хватило с лихвой. Я извернулась всем корпусом, словно гибкая змея, скользнула вбок, напрочь выскальзывая из-под его массивного тела, и, сделав техничный, быстрый кувырок назад через голову, пружинисто подскочила на ноги.

Я стояла у самого края мягких матов, тяжело, рвано дыша, а моя грудная клетка ходила ходуном. Губы нещадно горели и наверняка припухли от его натиска, высокий хвост волос окончательно растрепался, а в глазах снова полыхал тот самый азартный, вызывающий огонек, который так неистово бесил и одновременно манил господина ректора.

Вернер медленно, с кошачьей неторопливостью поднялся сначала на одно колено, а затем встал во весь свой монументальный рост. На его бледном правом плече всё еще отчетливо алели три свежие полосы от моих когтей, а на чувственных губах остался едва заметный влажный след моей помады. Он смотрел на меня в упор, и в его потемневшем взгляде сейчас дико смешались первобытная ярость хищника, упустившего верную добычу, и глубокое, неистовое восхищение.

Напряжение в подвальном зале было настолько плотным, что его, казалось, можно было разливать по бутылкам и продавать на черном рынке в качестве взрывчатки.

— Полное подчинение, говорите, господин ректор? — я дерзко, победно усмехнулась, пятясь к тяжелой двери и на ходу небрежно поправляя съехавшую лямку майки. — Боюсь, в вашей академии просто не хватит наручников для этой цели. Премного благодарна за тренировку. Анализ моих магических потоков был поистине незабываемым.

Резко повернувшись, я выскочила из тренировочного зала до того, как он успел опомниться и заблокировать выход, и стрелой бросилась бежать по темным, гулким подвальным коридорам, чувствуя, как каждая клеточка моего тела поет от безумного, чистого торжества. Я не сдалась. Я приняла этот вызов.

В нашу комнату в общежитии я ворвалась подобно стихийному урагану, до полусмерти напугав несчастную Марго. Подруга как раз сосредоточенно пыталась с помощью магии Огня высушить свои свежестиранные чулки, натянув их на деревянные плечики. От моего оглушительного появления её пальцы дрогнули, струйка пламени превратилась в направленный факел, и тонкие чулки вспыхнули ярким синим огнем, за секунду превратившись в невесомую горстку пепла.

— Рокси! — трагически, со слезами на глазах вскрикнула огненная магичка, созерцающая угли на полу. — Это были мои самые любимые! Французские, в мелкую сеточку! Стоп

Она осеклась, присмотревшись ко мне внимательнее, и её глаза округлились.

— О великое пламя, что у тебя с губами?! И почему ты выглядишь так, словно только что в одиночку ограбила королевскую сокровищницу, а за твоей спиной гонится вся личная гвардия Его Величества?

— Потому что я её фактически ограбила, Марго, — я обессиленно упала на стул, лихорадочно обмахиваясь ладонью. На моих щеках всё ещё горел неестественный, яркий румянец. — Он всё знает. Он окончательно понял, что я рысь-перевертыш.

Марго без сил осела на край своей кровати, чудом не наступив на тлеющие остатки своего белья:

— Все. Нам конец. Суши сухари, Рокс. Куда бежим? Прямо сейчас собираем вещи? У меня есть тайная закладка в тридцать золотых дукатов, на два билета до ближайшего портового города точно хватит

— Никуда мы не побежим, — я решительно, со стуком опустила кулак на деревянную поверхность стола. — Он не сдаст меня властям. По крайней мере, пока. Он хочет использовать этот секрет, чтобы полностью сломать и подчинить меня. Сделать своей послушной «личной тенью». Устроил мне тут контактный бой без капли магии, прижал всем телом к полу, целовал так, что у меня чуть искры из глаз не посыпались

— погоди, — Марго буквально задыхнулась от возмущения, её глаза стали размером с чайные блюдца, и она резко подалась вперед. — Он тебя целовал? Сам ректор? Тот самый Ледяной Волк, который за последние пять лет ни одну высокородную женщину к себе ближе чем на три уставных шага не подпускал?!

— Да. И этот индюк искренне думал, что после этого я сразу подниму лапки кверху и замурчу от счастья. Но я сбежала. Прямо из-под него, укусив на прощание.

Марго посмотрела на меня как на абсолютно умалишенную, но в глубине её карих глаз впервые промелькнуло искреннее, глубокое уважение:

— Рокси ты играешь со смертью на раскаленных углях. Менталист такого колоссального уровня никогда не прощает уязвленного мужского самолюбия. Если ты свято веришь, что сейчас полностью контролируешь ситуацию, ты смертельно ошибаешься. Он просто дает тебе ложную, красивую иллюзию свободы, чтобы потом затянуть петлю на твоей шее еще туже.

— Пусть только попробует, — я хищно, по-звериному прищурилась, чувствуя, как моя внутренняя кошка согласно выпускает воображаемые когти. — Завтра вечером у нас по расписанию грандиозный общеакадемический бал в честь начала триместра. Все будут в масках. И если господин Вернер думает, что намертво поймал меня на крючок я устрою ему такую ночь, которую его хваленый, легендарный самоконтроль точно не переживет.

Я решительно подошла к нашему старому платяному шкафу и уверенно вытащила с самой дальней, пыльной полки плоскую картонную коробку, которую тщательно прятала всё это время.

В ней бережно, завернутое в тонкую папирусную бумагу, лежало платье, совершенно не подходящее для скромной, забитой провинциальной адептки. Оно было слишком смелым, дерзким, цвета глубокой спелой черники. Тончайший струящийся шелк, экстремально глубокий, целомудренно-опасный вырез на спине, достигающий почти до поясницы, и умопомрачительный разрез вдоль левой ноги, открывающийся до самого бедра при каждом шаге.

Если ректор так жаждет поиграть в охотника и дикую добычу на своей территории — отлично. На официальном балу правила приличия свяжут его по рукам и ногам.

Там, под прицелом сотен глаз, он не сможет бесцеремонно прижать меня к матам или ментально вскрыть мою голову у всех на виду. Ему волей-неволей придется примерить маску безупречного светского льва. А в изощренных светских интригах кошки, как известно, разбираются куда лучше прямолинейных волков.

Марго созерцала этот струящийся черничный шелк с таким благоговейным, суеверным ужасом, словно я достала из коробки не вечерний наряд, а отрубленную голову верховного инквизитора.

— Рокси, это не платье. Это официальное объявление тотальной войны, — выдохнула подруга, благоразумно отодвигаясь на безопасное расстояние, чтобы случайно не спалить мой единственный весомый козырь. — У него же сзади спины вообще нет! А разрез такой, что О великое пламя, если ты в этом наряде хотя бы слегка наклонишься, наша академия в ту же секунду лишится ровно половины мужского преподавательского состава из-за массовых инфарктов.

— Я не планирую наклоняться, Марго. Я планирую побеждать и танцевать, — я бережно повесила платье на плечики. — Огненный факультет традиционно одевается в кричащее красное, золотое или строгое черное. В этом сине-черничном великолепии я буду выделяться, как экзотическая ночная птица среди стаи ярких снегирей. И поверь мне, наш ледяной король это оценит по достоинству.

Довершала мой контрабандный образ изящная, невесомая полумаска из тонкого черного серебра ручной работы. Я намеренно выбрала именно ту, чей раскосый разрез глаз делал взгляд хищным, опасным — настоящая, изящная кошачья мордочка. Если Вернер так сильно хотел играть с дикой рысью, он получит ее во всей красе.

Следующие сутки прошли в суматошной, сумасшедшей подготовке. Официальные занятия отменили сразу после обеда, и всё женское крыло общежития в один миг превратилось в один огромный, хаотично гудящий улей. В коридорах удушающе пахло лаком для волос, жженными перьями (кто-то из первокурсниц пытался бытовой магией завить идеальные локоны и явно не рассчитал стихийных сил) и приторно-дорогими парфюмами.

Когда мы с Марго наконец чинно спустились по мраморной лестнице в Главный балльный зал, я на секунду замерла на пороге, восхищенно выдохнув. Академия магии определенно умела пускать пыль в глаза высокопоставленным гостям.

Огромное, величественное пространство было залито мягким, пульсирующим светом тысяч крошечных магических светильников, плавающих в воздухе прямо под высоким стеклянным куполом. В воздухе плавно кружили иллюзорные, абсолютно безопасные золотистые искры, мерцающей пылью оседая на обнаженных плечах дам, а невидимый глазу оркестр упоительно играл тягучий, волнующий сердце вальс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.